

АНКЛАВЫ ВАДИМА ПАНОВА

ИГРЫ НАД БЕЗДНОЙ

АЛЕКСАНДР ЗОЛОТЬКО

Александр К. Золотько
Игры над бездной
Серия «Анклавы»
Серия «Анклавы Вадима Панова»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3262175
Игры над бездной: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-56552-8

Аннотация

Возможно, Харьков после Катастрофы, безжалостно встряхнувшей планету, стал единственным городом, целиком и полностью отрезанным от остального мира. Да и уцелел ли этот остальной мир? Полное отсутствие информации о судьбах человечества обрекло обитателей города на странную, лишенную малейшей надежды жизнь. Но именно эта ситуация привела к кровавой борьбе здешних боссов за власть. Единственный представитель Российской Федерации Станислав Колос вскоре убеждается, что кто-то заранее знал о грядущей Катастрофе. Загадочный и многоликий Леший, превративший хозяев города в безвольных марионеток, видит в Станиславе достойного союзника и заверяет его, что Катастрофа – это только начало. Тот, кто все это затеял, – не человек. И необходимо по мере сил подготовиться к его приходу...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	40
Глава 3	78
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Александр Золотько

Игры над бездной

Глава 1

Верхолаз – это тот, кто смог забраться высоко. Так высоко, что появился соблазн лезть еще выше, до самого неба. Зачем? Для того, чтобы потрогать холодную прозрачную твердь. Или отбить от нее кусок и пустить на украшения для своей дорогущей шлюхи. Или чтобы намалевать на небесах свой портрет и поставить разухабистую надпись: «Здесь был я». «Нет, не так, – поправил себя мысленно Прохор Степанович Дальский. – Здесь был ТОЛЬКО Я. Лишь в этой надписи есть смысл. Сделать нечто такое, чего не может сделать больше никто».

Дальский подошел к окну и посмотрел на небо. В августе небо над его городом не было ни холодным, ни прозрачным. Мутный серо-голубой пластик. Давно немый, покрытый засохшей пеной облаков.

Снаружи было жарко.

«Странное слово», – вдруг подумал Прохор Степанович. Он уже и забыл его первоначальное значение. Хотя в образном смысле использовал его регулярно. «Жаркий выдался денек»... Для губернатора Свободной Экономической Тер-

ритории это значило, что пришлось выдержать неприятный разговор, скажем, с торговым консулом Поднебесной, решившим вдруг, что многоуважаемый посланник Европейского Исламского Союза слишком уж свободно чувствует себя на нейтральной территории Харькова.

Жаркий денек – это очередная разборка местных предпринимателей, уважаемых членов общества, не поделивших рынки сбыта легких наркотиков или запустивших своих девок на чужую территорию.

Жаркий денек – Барабан вскипел очередной межнациональной разборкой, мусульмане вместе с поднебесниками двинулись на Конго, а обитатели этого черного района Харькова вдруг решили не обращаться к губернатору за поддержкой, извлекли из тайников оружие и принялись отстреливать барабанщиков, как только те переступали демаркационную линию. А то вдруг поднебесники решили пересмотреть соглашение с мусульманами в свою пользу, и уже по всему Барабану полыхает стрельба.

И нужно вмешаться, нужно успокоить, нужно найти способ прекратить кровопролитие, пока безумие не растеклось по всему городу. Нет, Нагорный район, понятно, не пострадает в любом случае, но Дальский очень болезненно относился к состоянию своего города. Любая черная проплешина пожарища, возникшая на теле его города, воспринималась губернатором как личное оскорбление и влекла за собой наказание, неизбежное и неотвратимое.

Все обитатели Харькова это знали. И ценили.

Дипломаты, представлявшие на Свободной Экономической Территории Китай, Исламский союз, Россию и Анклавы, также очень ценили беспристрастность Прохора Степановича, его умение всегда оставаться над схваткой. В прямом и переносном смысле.

Если верхолаз – это тот, кто смог забраться выше других, то в Харькове Прохор Степанович был верхолазом из верхолазов. Его офис находился на верхушке самого высокого здания в городе, да еще размещенного в самой высокой части Харькова. Отсюда, с высоты сорока этажей, город выглядел пестрым полотном, расчерченным квадратами улиц и припечатанным сверху белым крестом эстакад для «суперсобак». С востока на запад и с севера на юг тянулись магистрали, пересекаясь в Харькове.

Благодаря этому кресту город все еще существовал.

«Нет, не так», – снова поправил себя Дальский. Сейчас Харьков существовал – и неплохо существовал – уже не столько благодаря Транспортному Кресту, сколько благодаря своему статусу Свободной Экономической Территории. Но СЭТ смогла возникнуть лишь потому, что Харьков находился на пересечении важнейших коммуникаций. И еще потому, что сильные и уважаемые государства решили, что для всех будет лучше иметь такой вот буфер на стыке границ. Площадку для решения сложных, щекотливых вопросов и место для размещения в независимых лабораториях и

нелегальных мастерских заказов, способных вызвать нежелательные разговоры в любом другом месте.

Европейский Мусульманский Союз соизволил остановиться на Днестре, двигаясь с запада, Великая Турция закрепилась в Крыму и сочла разумным не пересекать Таврийские степи, изрядно обезлюдившие в ходе последних войн, а Россия, удерживая свою давнюю границу с севера от Харькова, удовлетворилась Донбассом и остатками угольного бассейна.

Не принадлежа никому, Харьков принадлежал всем. Наблюдательный Совет СЭТ выбирал губернатора, а тот имел вроде бы всю полноту власти. Вроде бы...

Дальский ненавидел это «вроде бы».

Да, он мог приказать Службе Безопасности СЭТ выжечь половину Барабана, отловить на территории Конго экстремистов из Католического Вуду, пытающихся распространить среди язычников свою религию, мог приказать муфтию Харькова заткнуться и не призывать время от времени правоверных к газавату... Вроде бы мог.

Но на самом деле в таком случае Дальского пригласили бы на совещание Наблюдательного Совета, и вечно председательствующий Торговый Консул Китая выразил бы общее неодобрение столь необдуманного и жестокого поступка, зачитал бы официальное обращение Наблюдательного Совета к губернатору, а через год, когда снова пришла бы пора назначать губернатора, то оказалось бы, что кандидатура гос-

подина Дальского уже не вызывает всеобщего восторга, и Прохору Степановичу пришлось бы оставить свой офис на сороковом этаже и, наверное, поспешно покинуть Харьков.

Хотя в подобных обстоятельствах он вряд ли бы успел это сделать. Очень многие уважаемые члены местной элиты хранили в своих сердцах – или что там у них вместо этого органа – желание свести с Дальским счеты.

Если бы не все это, то Прохор Степанович никогда... никогда бы не согласился с необычным предложением, полученным от странного... если не сказать – страшного человека три месяца назад.

Словно сквозняк проник в кабинет, ледяной змейкой скользнул за ворот шелковой сорочки Дальского, растекся по телу. Дальский посмотрел на свои руки – пальцы мелко дрожали.

Прохор Степанович подошел к бару, потянулся к хрустальной бутылке, но заставил себя остановиться.

Не время.

Ему предстоит жаркий денек. Горячий денек. Адский денек.

Плюс сорок за окном – это нежная весенняя прохлада по сравнению с пеклом, ожидавшим Прохора Степановича Дальского через... Губернатор посмотрел на часы. Через одиннадцать минут.

Прохор Степанович подошел к письменному столу, хотел сесть в кресло. Помотал головой и вернулся к окну. Отка-

зываться – уже поздно. Если ТОТ ЧЕЛОВЕК не соврал, то в любом случае все произойдет сегодня. Как он сказал при последнем разговоре? Вам повезло, подобно блохе, вскочить на «суперсобаку», когда она сбавила скорость, однако спрыгнуть с нее на полном ходу... Это довольно экзотический способ самоубийства. Но очень, очень надежный.

Грузовая «суперсобака» как раз пронеслась, не замедляясь, по эстакаде с востока на запад. Когда эстакаду строили, никого не волновало удобство жителей города. Необходим был максимально прямой маршрут – вот его и проложили прямо сквозь тело Харькова. А вот когда выбирали место для Дипломатического квартала в Нагорном районе, то не без иронии выделили участок как раз возле эстакады. Если вдуматься – то месть получилась мелкая и какая-то лакейская. Одно успокаивало – это решение принимал предшественник Дальского на высоком посту. Покойный предшественник.

Стены кабинета Прохора Степановича были сплошным окном, открывавшим круговую панораму Харькова. Пройдя вдоль окна, можно было увидеть почти весь город – храм Католического Вуду в Конго, купола мечети на Барабане, корпуса Учебного комплекса, вывески и рекламы публичных домов и отелей Гуляй-города, а если воздух был чист, то и теплообменники атомной электростанции. Она находилась всего в пяти километрах от Нагорного района. Почти в городской черте.

Сегодня станции видно не было.

Дальский оглянулся на стол и снова передернул плечами. Как перед прыжком в бездну. В желудке пульсирует что-то холодное, пальцы рук – дрожат, мелко, почти незаметно. Но руки все равно придется чем-то занять. Не хватало еще, чтобы признаки его слабости были замечены. Слабые не имеют ни малейшего шанса удержаться на самом верху ни сейчас, ни тем более после того, что произойдет сегодня.

Глянув на часы, Дальский все-таки заставил себя подойти к столу и сесть в кресло. Поправил галстук, воротник сорочки. Достал из ящика стола хрустальную пепельницу, заполненную жемчугом. Слышал, что кто-то из политических деятелей прошлого любил перебирать драгоценные камни в кармане пиджака. Брильянты с изумрудами выглядели бы слишком вызывающими, а вот жемчуг вполне подходил.

Дальскому не без намека подарили несколько четок – католические и саббах от муфтия Харькова, но он, с благодарностью приняв, публично ни разу не взял их в руки. Он – вне религиозных конфликтов. Он на стороне города, а не конфессии. Любой конфессии.

Осталось полторы минуты.

Можно было вывести изображение собеседника на нано-экраны, напыленные прямо на глаза, но ТОТ ЧЕЛОВЕК просил пользоваться обычным экраном. А его просьбы стоило выполнять.

Тридцать секунд.

Дальский протянул руку к клавиатуре. Прохор Степанович был консервативен в отношении своего тела, не вживлял в него ничего, сверх действительно необходимого. Он бы и от «балалайки» отказался, если бы без нее сейчас можно было обойтись.

Время.

Экран засветился, и Дальский увидел лицо ТОГО ЧЕЛОВЕКА. Собственно, лицом оно не было – светло-серая наномаска скрывала черты, закрывала глаза, не оставляя шанса даже попытаться распознать впоследствии собеседника по рисунку сетчатки.

– Добрый день, – сказал ТОТ ЧЕЛОВЕК. – Мы собирались сегодня поболтать, так сказать, накануне, чтобы убедиться в готовности всех заинтересованных лиц. Я прошу не выключать связь, что бы ни произошло в течение ближайшей минуты. Если вы попытаетесь выйти из разговора, я буду вынужден принять очень жесткие меры. Мы договорились?

– Да, – тихо проронил Дальский.

– Тогда – внимание, – изображение наномаски исчезло с экрана, тот на мгновение померк, а потом засветился снова, разделившись на несколько десятков маленьких окошек. И в каждом оказалось изображение человека. Мелкое, но узнаваемое.

Себя Дальский обнаружил третьим во втором ряду. Справа от него был начальник Службы Безопасности СЭТ Иоахим Пфальц, слева – Абдула Тарле, глава мелкой кан-

торы, занимавшейся торговлей спецоборудованием. Товары Абдулы позволяли всем желающим обходить системы безопасности, проникать в сейфы и отнимать жизни самыми экзотическими способами. Всех людей, лица которых появились на экране, Дальский знал.

С кем-то общался часто, кого-то старательно избегал, чтобы не скомпрометировать себя в глазах Наблюдательного Совета, но кто все равно занимал в жизни Свободной Экономической Территории очень важное место. Сейчас Дальский мог одновременно видеть лица всех серьезных игроков СЭТ, и выражения лиц этих игроков были далеко не восторженными.

– Вы хотели поговорить со мной, – сказал ТОТ ЧЕЛОВЕК. – С глазу на глаз, так сказать. И полагали, что только вы единственный, кто получил от меня предложение... Вы очень хотели оказаться единственным. Но мы же с вами понимаем, что в одиночку вы ничего не сможете сделать ни для меня, ни для себя... Не нужно ничего говорить, я все равно отключил звук. Только после того, как я закончу, право голоса получит тот, кому я разрешу.

Три десятка ртов беззвучно открывались, три десятка лиц краснели или бледнели, но никто от связи не отключился. «Они все знают цену слова ТОГО ЧЕЛОВЕКА», – подумал Дальский. И почувствовал, как сохнут губы.

– Полагаю, мы достигли консенсуса. Теперь перейдем к делу, поскольку времени у нас, как вы все прекрасно знаете,

осталось очень мало. Чтобы несколько упростить коммуникацию, я решил предложить вам называть меня Лешим. Мы не будем тратить время на согласование тридцати прозвищ, которые вы для меня придумали? Вот и славно, – изображение наномаски на секунду мелькнуло на экране и пропало. – Теперь к делу.

Дальский осторожно погладил жемчужины кончиками пальцев. Прислушался к постукиванию шариков перламутра друг о друга. Главное – не дергаться. Лица остальных участников видеоконференции выглядели не самым лучшим образом, демонстрируя широкую гамму чувств от растерянности до ярости.

– Вы полагаете, что теперь оказались под ударом? – осведомился ТОТ ЧЕЛОВЕК.

Леший, напомнил себе Дальский. Леший.

– Должен вас успокоить – никто не сможет ничего предпринять, даже если произойдет утечка. Никто. Просто не успеет. А вот то, что некоторые из вас решили попытаться обыграть меня... – в голосе Лешего прозвучало даже некоторое удивление, словно он и в самом деле не ожидал такого глупого коварства от своих собеседников. – Такое легкомыслие не может меня устраивать. Оно меня огорчает. Ставит под удар – нет, не меня – всех вас. Только вас. А каждый из вас мне чем-то дорог. Вы же понимаете, что любой конфликт в той ситуации, которая сложится через несколько часов, может погубить все. Каждого из вас и всех вас вместе.

Я не буду называть тех, кто провинился. Я знаю, что никто еще не успел ничего предпринять. Образно выражаясь, каждый держит фигу в кармане и прикидывает, как можно будет использовать кризис в собственных целях. И мне кажется, что некоторые из вас... – «некоторые» прозвучало как «все», так, во всяком случае, показалось Дальскому.

Пальцы его руки сжались в кулак, несколько жемчужин выскользнули из ладони, прокатились по крышке стола и упали на пол – Прохор Степанович не обратил на это внимания. Просто не заметил.

– ...некоторые из вас относятся ко мне и к моим предупреждениям не слишком серьезно. Боюсь, что кое-кто решил, будто сможет не расплатиться со мной... Но, повторюсь, я не стану выискивать неблагодарных. У нас осталось несколько минут, так что я вам предложу забавную и очень поучительную игру. Перед каждым из вас – тридцать картинок. На каждой из них – лицо не самого маленького человека в этом городе. А внизу каждой картинке – номер. Чтобы никто из вас не опасался подвоха, нумерация и расположение картинок на экране у каждого из вас особые. Даже если кто-то узнает, какой номер вы выбрали, то никто, кроме меня и вас, не будет знать, кого именно вы имели в виду, – теперь в голосе Лешего звучало веселье – мальчишка зазывал приятелей в веселую игру. В очень веселую игру.

Дальский левой рукой чуть распустил узел галстука. День и вправду получался жаркий.

– Итак, каждый из вас выберет трех человек из тридцати... двадцати девяти, надеюсь, себя никто не станет выбирать... Трех неприятных для себя людей. Первый выбранный получит три очка, второй – два и третий – одно. Тот, кто в сумме наберет самое большое количество очков, – умрет. Тот, кто откажется играть, – тоже может умереть. Мне будет неприятно, но таковы условия. Всем понятно? На счет «три» можете начинать. Раз. Два. И не бойтесь, тут нет ничего страшного. Кстати, имейте в виду, если вы не проголосуете, то этих трех балов может не хватить вашему оппоненту, чтобы вместо вас занять первое место. И умрете вы, а мог бы умереть он. Подумали? Оценили? Заново: один, два, три...

Дальский протянул руку к клавиатуре, быстро набрал три номера, почти не задумываясь. В конце концов, он прекрасно помнил, кто из участников лотереи ему особенно неприятен.

Изображения на экране пришли в движение, ячейки таблицы с легким шелестом распались на отдельные карточки, осыпались в низ экрана, сложились в подобие колоды.

– Сейчас колода будет тасоваться, – сказал Леший. – В зависимости от рейтинга. Тот из уважаемых игроков, чье изображение окажется сверху, умрет в течение тридцати секунд. Поскольку умрет только один, а наказать нужно многих, то я позволил себе несколько затянуть процедуру. Поехали...

Зазвучала музыка, карты стали тасоваться. Музыка была какая-то жестяная, словно некий аляповато раскрашенный

механизм исполнял ее торопливо и небрежно. Карты ловко перескакивали снизу колоды наверх, и с каждым перелетом выражение лиц на них становилось все напряженнее.

Несколько раз портрет Дальского оказывался сверху и даже останавливался на секунду-другую, но потом исчезал в общем водовороте, и Прохор Степанович облегченно вздыхал. Несколько раз мелодия замирала, зависала на секунду, но потом снова пускалась вскачь, так что, когда она, наконец, смолкла, Дальский не сразу сообразил, что все, что игра закончена, и что тот, чье лицо сейчас ошалело смотрит с самой верхушки колоды, должен умереть.

Иоахим Пфальц тоже не сразу поверил тому, что увидел.

Он находился в своем кабинете, в одном из самых охраняемых и защищенных помещений города. Он и за движением карточек наблюдал не очень напряженно. Если кого-то и выберут в качестве жертвы для назидания остальным – особенно если смерть должна наступить всего через тридцать секунд, – то это будет кто-то, к кому не слишком сложно добраться. А в том, что объект экзекуции выбран заранее, господин Пфальц почти не сомневался. Лучший экспромт – это экспромт, подготовленный загодя. Сам начальник СБ СЭТ подобные экспромты готовил тщательно и заблаговременно. Кроме того, без его участия план этого Лешего неосуществим. Слишком много всего завязано на самом Иоахиме. Так что...

Этого не может быть... Пфальц оглянулся по сторонам –

в кабинете он, естественно, был один. Двери закрыты, даже вентиляция заблокирована, Пфальц сам перевел всю автоматику кабинета на режим максимальной безопасности. Этого не может быть.

Изображение Пфальца увеличилось, заполнило собой весь экран его собственного компьютера. В правом верхнем углу засветились цифры – тройка и ноль. Превратились в двойку и девятку. Двадцать восемь. Двадцать семь. Двадцать шесть. Двадцать пять.

Лицо Пфальца исказилось, словно судорога прошла по правой щеке. Тело начальника СБ СЭТ выгнулось, руки со скрюченными пальцами прижались к груди.

Двадцать три. Двадцать два. Двадцать один.

В углах рта Пфальца появилась слюна. Запузырилась, потекла по подбородку. Пфальц продолжал смотреть перед собой выпученными от боли глазами, но не издал ни звука.

Девятнадцать. Восемнадцать. Семнадцать.

Дальский не мог отвести взгляд от экрана. Прохору Степановичу казалось, что он смотрит прямо в глаза Иоахиму. Он здесь, рядом. Можно протянуть руку и коснуться его щеки. Или ударить изо всей силы, потому что Пфальц заслужил это. Каждую секунду агонии заслужил.

Восемь. Семь. Шесть. Пять.

Пфальц захрипел и стал заваливаться набок. Но из кресла не выпал – так и остался сидеть, скособочившись, как забытая ребенком игрушка.

Два. Один.

Изображение исчезло с экрана.

Снова появились тридцать картинок. Только одна из них была черной.

– Полагаю, мой намек всем понятен? – спросил Леший. – Мы все будем держать слово: и вы, и я. Сейчас я буду несколько занят. Да и вы, я полагаю, тоже. Не исключено, что я исчезну на время. Но вы не стесняйтесь – работайте. Трудитесь на свое благо... и на благо цивилизации. До встречи.

Экран погас.

Дальский сидел неподвижно, глядя перед собой. «Интересно, кто-нибудь сейчас попытается с ним связаться? Вряд ли. Скорее всего они сейчас бросятся выполнять свои обязательства перед Лешим. Как хорошо, что свои он уже практически выполнил. А то, что осталось, нужно будет сделать чуть позже. Если все-таки грянет. Когда грянет», – поправил себя Дальский.

– Здравствуйте, Прохор Степанович, – прозвучало за спиной.

Дальский дернулся, пепельница с жемчугом слетела со стола, и жемчужины раскатились по всему кабинету.

Дальский втянул голову в плечи и даже не попытался оглянуться. Он даже зажмурился. До боли. До грозди ярких огоньков, вспыхнувших перед глазами. Этого не могло быть. Этого не должно быть.

Вход в кабинет – напротив стола. Никто не мог войти неза-

метно. Никто.

Рука коснулась плеча Дальского.

– Вы как-то напряжены, – прозвучало над самым ухом. – Не стоит так волноваться. Я ведь выполнил вашу просьбу? Не слышу...

– Да, – выдохнул Дальский. – Выполнили. Спасибо...

– Это уже значительно лучше. Значительно.

Дальский услышал, как тихонько скрипнуло гостевое кресло. Медленно открыл глаза. Среднего роста худощавый мужчина устроился в кресле напротив письменного стола, вытянул ноги, закинул руки за голову и потянулся.

На его лице не было наномаски. И это особенно испугало Дальского. Получалось, что Леший больше не хочет скрывать свою внешность. Он не боится быть узанным. И он не может не знать, что все происходящее в кабинете записывается. Леший неизбежно попал в кадр, и это означало, что можно будет распознать рисунок сетчатки. На руках Лешего нет перчаток, а он только что небрежно похлопал ладонями по пластиковым ручкам кресла, оставляя не только отпечатки пальцев, но и ДНК.

Он решил больше не скрываться?

– Я даже не стану спрашивать, почему вы выбрали этого самого Пфальца, – улыбнувшись самым доброжелательным образом, сказал Леший. – Я это понимаю. Вам хотелось проверить меня и заодно устранить самого защищенного своего недоброжелателя. Это понятно. Меня интересует другое...

Когда вы по моей просьбе называли список тех, кого следовало привлечь к работе, вы уже знали, что моими руками попытаетесь устранить Пфальца?

Дальский откинулся на спинку кресла, скрестив руки на груди.

– Смелее, Прохор Степанович, – подбодрил его Леший.

– Ну, во-первых, начальник СБ был необходим для осуществления вашего плана. Без него не удалось бы получить доступ к информации... без которой вы бы не смогли предотвратить... – Дальский замолчал, пытаясь успокоиться.

– Согласен, Пфальц был очень полезен. В некотором роде даже незаменим. Но отчего же вы без колебаний назвали его в качестве демонстративной жертвы? Он ведь и дальше мог быть полезен.

– Вреден, – быстро возразил Дальский. – Опасен. Он – последователь Католического Вуду. Вы это прекрасно знаете. И он не просто верит во все эти лоа и прочую ерунду...

– Я бы на вашем месте избегал таких выражений, – улыбувшись, заметил Леший. – Вдруг все это только кажется ерундой? А на самом деле все эти лоа и в самом деле существуют?

Леший улыбался, а глаза его были серьезными и холодными.

Дальский пожал плечами.

– Пфальц верит... верил во все это. И если бы не постоян-

ный контроль с моей стороны и со стороны членов Наблюдательного Совета, то город уже давно был бы полностью...

– И в этом я с вами согласен, – кивнул Леший. – То есть вы с самого начала намеревались устранить беднягу Пфальца...

Дальский попытался выдержать взгляд Лешего, но силы воли хватило лишь на несколько секунд.

– Ну да ладно, – сказал Леший. – Пфальц должен был умереть – Пфальц умер. Кандидатура на его место нами оговорена и утверждена. В принципе нам с вами больше не о чем говорить.

«Не томи, – мысленно простонал Дальский. – Зачем-то ты ведь сюда пришел. Просочился сквозь систему безопасности, пробрался мимо охраны... Мимо охраны!» – полыхнуло в мозгу.

Если в здание Леший еще мог как-то пробраться незаметно, то войти в лифт на тридцатом этаже, а тем более выйти из него на тридцать девятом он никак не мог. Двое безов на тридцатом. Четверо – на тридцать девятом, с ними, наверное, еще можно было как-то договориться, но пара личных телохранителей, Митя и Ринат, в приемной, не могли ни отступить, ни продать. И врасплох их застать было невозможно – вход на время переговоров был блокирован по приказу Дальского. Но Леший все равно здесь.

Сидит, откинувшись, в кресле, разглядывает хозяина кабинета и ухмыляется.

– Нам с вами не о чем больше говорить, – повторил Ле-

ший и поднял указательный палец правой руки. – Казалось бы. Но на самом деле... На самом деле я бы очень хотел от вас услышать, зачем вы прозябаете в этом захолустье? На этой Свободной Экономической Территории? Вы здесь родились, здесь получили образование, начали работу с должности помощника младшего клерка. Зачем? Почему? Деньги? Какие деньги у городского чиновника нижнего и среднего звена? Да и сейчас вы не настолько богаты, чтобы удивить кого-нибудь даже из своих земляков. Это вы здесь – верхолаз. А там...

Леший махнул рукой в сторону.

– Или там. Да практически везде вы в лучшем случае представитель среднего класса. Нижнего его слоя, заметьте. Если бы вы пошли в какую-нибудь кантору, даже местную, то сейчас имели бы куда больше денег... И не говорите мне, что быть канторщиком плохо. Это шестеркой в канторе быть плохо, а вы, с вашими умом и работоспособностью, быстро поднялись бы наверх. Вы могли просто уехать отсюда, сесть на «суперсобаку» и уехать куда угодно... Но вы остались здесь. Даже когда уже имели некоторый опыт и какие-то деньги, вы все равно остались здесь, хотя вам, насколько мне известно, предлагали очень интересные варианты члены Наблюдательного Совета и работники торговых представительств. Даже шпионить вам предлагали. Ведь предлагали?

Дальский смотрел, не отрываясь, на крышку стола. Пусть

Леший говорит, что хочет. Пусть говорит. Лишь бы все это закончилось поскорее.

– Вы сами себе давали отчет в таком своем патриотизме? – осведомился Леший. – Ну, не молчите, скажите хоть что-нибудь... Можете даже нецензурно... Хотя нецензурно все-таки не нужно – не люблю я этого. Скажите хоть что-нибудь...

Дальский откашлялся, вдохнул...

– Ладно, не напрягайтесь, – лениво протянул Леший. – Я сам все скажу. У вас – комплекс Юлия Цезаря. Лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме. Не так? Вы прекрасно понимаете, что ни в одном другом месте вы не сможете быть на самом верху. Вы и на мое предложение согласились, поскольку понимали, что только так вы сможете получить настоящую власть. Настоящую, которой можно будет не делиться ни с кем, которую вам никто не будет подтверждать раз в год, разрешая занимать этот кабинет еще какое-то время... Чем еще может привлечь такое место, как Свободная Экономическая Территория Харьков? Это болото, способное только плодить жаб, раздувшихся от самомнения. Нет, тут полно толковых, ясно мыслящих, даже талантливых людей, но ваш родной город способен их только задавить, превратить в жаб или в грязь. Талантливые отсюда бегут. Остаются только те, кто либо махнул на себя рукой, либо те, кому нравится копаться в тине и грязи, втаптывать других и пачкаться самому... Но вы ведь не относитесь ни к одной из этих категорий. И вы прекрасно понимаете, что исправить

здесь ничего нельзя. Никто не способен разгрести и осушить это болото. А вот стать самой большой жабой на нем – это да. Это вполне возможно. Вот вы...

– А вы? – неожиданно для себя спросил Дальский, не поднимая взгляда. – Вы-то зачем здесь? В этом болоте? Вы же приехали сюда издалека? Не из Москвы? Или из Европы? Вам-то зачем наше болото?

– А вот это – хороший вопрос, – одобрил Леший тоном учителя, добившегося от ученика нужных слов. – Это очень хороший вопрос. Я, собственно, ради него к вам и пришел.

Леший встал с кресла, подошел к столу. Несколько жемчужин хрустнули под его тяжелыми шагами.

– У меня не было особого выбора, – Леший оперся руками о письменный стол. – Ни один другой город не подходит для моих планов. Может быть, к сожалению. Или к счастью. Нет, несколько сот тысяч людей мне, похоже, спасти удастся. Вашу карьеру, опять же... Финансовые интересы двадцати восьми человек, которых вы лично выбрали, – тоже смогу защитить...

– Такой филантроп! – Дальский попытался снова заставить себя посмотреть Лешему в лицо и не смог. – Альтруист.

– Нет. И нет. У меня есть свои планы. Свои выгоды. А вдруг я играю в интересную игру? Складываю картинку из кусочков. Или строю домик из кубиков. Это что-то для вас меняет? Вы не будете со мной сотрудничать?

– А у меня есть выбор?

– Конечно, есть. Я сейчас уйду. И меня не будет некоторое время рядом с вами. Вы можете попытаться все перерешить, попытаться построить все по-своему... – Взгляд Лешего скользил по лицу Дальского, губернатор буквально физически ощущал его прикосновение. – И вам даже покажется, что вы дотянулись до неба. Прикоснулись к нему...

Дальский затаил дыхание – Леший будто читал его мысли, будто смог подслушать, о чем думал губернатор всего полчаса назад.

– Знаете, кое-кто уже пытался добраться до неба. Построили башню. Ну, вы помните, наверное, эту сказку? Или, простите, сейчас эта книга не в моде... Фокус в чем, уважаемый Прохор Степанович. Фокус в том, что за небом, к которому вы подберетесь, тоже что-то есть. Может быть – пустота, космос. И вас тогда просто вытянет туда, наружу. Разорвет и высушит. Но вдруг там есть кто-то? Кто-то, с чьей точки зрения все ваши попытки оказаться выше всех – всего лишь детские игры в царя горы. Представляете, как это будет обидно?

В голове у Дальского было пусто. Не было ни мыслей, ни желаний, только звонкая прозрачная пустота. Слова, произнесенные Лешим, висли в этой пустоте, превращались в блестящую мишуру, носились, складываясь в затейливые узоры, и осыпались мелкой, колючей пылью.

– Мир устроен так, что каждый видит лишь часть всей картинки. И может лишь принести к подножию пирамиды свою песчинку, не понимая – зачем, для чего... Кто-то в Ки-

тае месяц назад заказал груз из Гамбурга. Химический реактив очень сложного состава. И указал сроки, в которые эта химия должна попасть, скажем, в Пекин. Ерунда, не способная повлиять на ход истории, согласитесь. Но это все далеко, скажете вы, при чем здесь этот заказ? Хорошо, соглашусь я, посмотрим поближе. Абдула Тарле, две недели назад обстрепал очень выгодное дельце. Ему заплатили аванс за крупную партию взрывчатого вещества. Эта штука называется отчего-то «пшиком», но это не важно для нас с вами. Важно то, что Абдула, получив заказ, немедленно сообщил о нем покойному Пфальцу. Сами понимаете, что подобные взрывающиеся штуки могут быть использованы в самых разных целях, посему даже очень покладистая СБ СЭТ за их распространением следит внимательно. Пфальц мог просто устроить засаду, но он решил заказ не останавливать, а проследить весь маршрут поставки. Он даже предупредил об этом грузе Центральную штаб-квартиру в Цюрихе, и оттуда подтвердили правильность его действий. Полторы тонны «пшика» – это очень много даже для нашего безумного времени. За машиной будут следить. Издалека, аккуратно, но очень внимательно. Тут, в Харькове, силами СБ СЭТ, дальше – как получится. Если получится. Никто из СБА да и из СБ СЭТ не знает, что Дядюшке Ха кто-то сообщил, что Абдула Тарле собирается провезти груз наркотиков по его, Дядюшкиной, территории, не поставив никого в известность. Такое нарушение правил и договоренностей! Оно не может быть оставлено

без последствий. Если не пресечь такое непотребство сразу, то можно и авторитет потерять. И Дядюшка Ха, известный на Свободной Экономической Территории как производитель замечательной вермишели, приказал своим парням ту машину перехватить и – обратите внимание – не захватить, а уничтожить. Улавливаете разницу? Если бы он ее захватил вместе с грузом наркотиков, то выглядел бы как слишком корыстный человек. Что неминуемо повлекло бы за собой небольшую войну и потерю уважения у других канторщиков вашего славного города. А уничтожение – это совсем другое дело. Это – благородный жест честного человека, способного ради защиты своего участка на все. Вот теперь племянники дождутся машину на указанном месте и расстреляют ее из гранатометов, – Леший замолчал и перевел дыхание.

Демонстративно перевел.

Дальский продолжал молчать. Собственно, монолог Лешего и не подразумевал вмешательства губернатора. Леший хотел что-то сказать. Леший это говорил, только Дальский не мог понять ни сути рассказа, ни его цели.

Про «пшик» он слышал. Не об этой поставке, конечно, а о том, что производят эту гадость в его городе. Даже настоял, чтобы продажи этой дряни шли только на экспорт, чтобы в Харькове никто не смог применять эту взрывчатку, необычайной мощности и очень опасную при транспортировке и хранении. Получив гарантию от кантор и раклов, Дальский согласовал вопрос с Пфальцем.

Полторы тонны, вдруг дошло до Дальского. Расстрелять из гранатометов. Это значит, что будет взрыв. Не просто взрыв, а нечто чудовищное. Кошмарное.

– Где... – горло Дальского пересохло, слова застряли, превратились в кашель. – Где будет взрыв?..

– И вас совсем не интересует, когда он будет? – осведомился Леший. – Сегодня. Через несколько минут. Тут, неподалеку. Но вы не волнуйтесь, вас он не затронет. Не нужно только стоять возле окон. А так – да, прогрехочет очень сильно. Очень. Но ведь и этот взрыв, с точки зрения истории, – тоже ерунда. Так, недоразумение. И погибших будет всего несколько сот, в самом крайнем случае... Если не считать раненых, ясное дело. Но кто их будет считать сегодня... Сегодня всем будет не до того.

– Кто вам... Кто вам позволил? – Дальский вскочил, оттолкнув кресло, и оказался лицом к лицу с Лешим. – Вы не смеете...

Леший молча улыбнулся, не отводя глаз.

– Вы не смеете... Город... – Гнев улетучился, как воздух из проколотого шарика, остался только холод, сжимающий сердце колючими пальцами, и ужас... Не гибель сотен людей породила это чувство, вовсе нет. Дальский вдруг понял, что все это время, с самого первого разговора с Лешим, он боялся не провала, не последствий. Дальский боялся Лешего. Не расправы с его стороны, не наказания или смерти. Он его боялся, как дети боятся чудовищ, прячущихся в шкафах и под

кроватями. Он боялся Лешего. До судорог, до помутнения рассудка, до слабости в ногах. Боялся его и ненавидел себя.

Ведь сам себя Дальский считал сильным человеком. Так считали и все его знакомые, и те, кто пытался его в свое время запугать, и те, кто рассчитывал на его помощь. Но появился Леший, произнес несколько слов – всего несколько слов, и Дальский, сам того не понимая, не отдавая себе отчета в своих истинных чувствах, был готов сделать все, что угодно. Стать кем угодно.

И каждый раз после окончания разговора с Лешим, когда душливая волна страха отступала, Дальский обещал себе, что вот это – в последний раз. Что он больше не будет бояться, что это смешно, в конце концов, вот так пугаться обычного человека, да еще прячущегося – трусливо прячущегося – под наномаской... И каждый раз убеждался, что ничего не может поделать с собой, не может даже унять дрожание пальцев. Трус, слизняк, дешевка... Сколько раз, глядя на себя в зеркало, Дальский пытался разозлиться, заставить себя хотя бы возразить, не соглашаться с каждым предложением таинственного собеседника, и каждый раз все равно соглашался. Находил его доводы убедительными или заставлял себя их таковыми признать.

– Я смею, – тихо сказал Леший. – Так нужно. И мы не можем тянуть. Потому что какой-то мерзавец сообщил в Наблюдательный Совет, что вы сговорились с Мутабором, что в город уже прибыли несколько десятков «прятков», которые

в любой момент готовы начать действовать. Вот сейчас, сию минуту, Совет в полном составе собрался в зале заседаний, чтобы обсудить новость и принять решение по вашему поводу – сразу вас убить или предать суду.

– Я не связан с Мутабором! – воскликнул Дальский. – Здесь нет никаких «прятков»...

– Я знаю, – засмеялся Леший. – Я вам верю, но эти парни из Наблюдательного Совета получили такие веские доказательства... Я себе даже представить боюсь, что сейчас происходит в секретной комнате для заседаний в Дипломатическом квартале. Вернее, будет происходить через пятнадцать минут. Господа торговые представители и консулы оставили свои повседневные дела, отменили встречи и поездки, для того чтобы поговорить по такому вопиющему поводу...

– Это вы?..

– Нет, что вы! Это покойный Пфальц. Он ведь вас тоже не любил, взаимно, заметьте. Он даже пытался договориться со мной, чтобы я вас устранил. Но я, верный нашим с вами договоренностям, скормил капсулу с ядом ему, а не вам. Но если вас и на самом деле интересует, кто вручил Пфальцу информацию о вашем предательстве, то вынужден признать – я.

– Вы...

– Но это уже не имеет никакого значения, Прохор Степанович. Абсолютно никакого. Пока они соберутся, пока попытаются связаться с Пфальцем, который отчего-то опазды-

вает на собрание, пока выяснят, что того не будет, пока ознакомятся с документами и записями, пока будут возмущаться – все уже и начнется. И времени разбираться с вами уже ни у кого не будет. И не только времени. Да вы сядьте, Прохор Степанович, сядьте. Вы побледнели, дыхание, вон, нехорошее... Сядьте, – приказал Леший, и Дальский подчинился. – Вот так лучше. Значительно лучше.

Леший прошелся по кабинету, поглядывая в окна.

– Красивый город, – Леший обернулся к Дальскому и развел руками, как бы извиняясь. – Особенно вот так, когда не ощущается жара, пыль... не слышны приставания проституток или предложения пушеров, когда можно забыть, что в эту самую минуту в городе неизбежно кого-то насилуют, убивают, подсаживают на наркотики, режут на органы... Красивый город. Вы знаете, что он проклят? Нет? Больше ста лет назад вокруг него шли бои, жуткие бои... Погибло несколько миллионов человек. Представляете – вокруг одного не самого большого города меньше чем за год – несколько миллионов человек. Тут все пропитано смертью. Здесь невозможно сохранить рассудок неповрежденным. Тут становятся либо гениями, либо идиотами. Некролоботомия, извините за ублюдочное определение. Поэтому, если сегодня погибнет еще несколько сот человек... или даже тысяч – это никак не отразится на карме этого города. Люди остановятся на мгновение, почешут в затылках и пойдут дальше: убивать, насиловать, развращать... или позволять делать все это

с собой и своими близкими...

Дальский сидел в кресле, вцепившись в подлокотники побелевшими пальцами. И мечтал только об одном – чтобы Леший ушел. Исчез. Пусть не навсегда, пусть на день. На час. Губернатор Свободной Экономической Территории больше не мог терпеть, не мог удерживать ужас в себе. Еще немного, и мозг – его мозг – взорвется, разнесет череп в клочья, повиснет кроваво-черными комками на стенах и окнах кабинета.

– Пусть он уйдет, – пробормотал Дальский. – Пусть он уйдет.

– Я ухожу, – сказал Леший. – Вот теперь я сказал почти все, что хотел. Осталось совсем немного...

Пусть он уйдет. Пусть он уйдет!

– Знаете, когда я убедился в том, что не ошибся, поставив на вас?

– Нет. Нет! (Пусть он уйдет, пусть уйдет...)

– Когда вы после первого разговора со мной не стали тащить в город всякое барахло. Не стали готовить запасы. Вы, наверное, даже не подумали об этом.

– Не подумал об этом, – эхом отозвался Дальский. (Пусть он уйдет, пусть!)

– А другие... Это смешно, но трое срочно отправили своих жен и родственников на отдых. Подальше. Одиннадцать человек взяли кредиты по самым неудобным ставкам и превратили деньги в золото. Семь человек закупили медика-

менты, продукты. Восемнадцать – оружие с боеприпасами и одежду. А вы... вы просто ждали неизбежного. Это меня потрясло. Настолько, что я взял на себя труд сделать запасы от вашего имени. И не только потому, что вы мне нравитесь, но и для того, чтобы вы не выделялись на общем фоне. – Леший ходил по кабинету, и жемчуг хрустел у него под ногами – хрусь, хрусь, хрусь, как человеческие черепа под ногами гиганта. Хрусь-хрусь-хрусь...

– И самое последнее... Те, с кем я договаривался, испытывали по моему поводу самые разные чувства. Ненависть, злоба, желание обмануть, надежда обогатиться... Но только вы испытали самое правильное чувство. Вы испугались. И это правильно. Это самая правильная эмоция в данном случае. Страх. Мне не нужны благодарность или симпатия. Мне вполне хватит ужаса, который просто брызжет из вас, тонкими струйками льется сквозь поры, течет из ушей, выступает пятнами на вашей одежде... Это правильно. Это позволит вам выжить... Нет, – засмеялся Леший, – не выжить. Увеличит ваши шансы выжить, так правильнее. И заметьте, я не требую от вас ничего такого, не угрожаю, не намекаю, но вы меня боитесь...

– Уйди... – простонал Дальский, зажимая уши ладонями. – Уйди-уйди-уйди...

– Я даже не требую, чтобы вы не пытались меня найти и убить, – Леший подошел к Дальскому и похлопал его по плечу ледяной рукой. Или обжигаяще горячей – Прохор Сте-

панович не разобрал. – Вы попытайтесь меня найти. Можете попытаться меня убить – я, наверное, не стану за это наказывать. Вы пробуйте, может, получится. И можете рассказать своим коллегам по несчастью обо мне. Я даже могу признать установить для того, кто меня найдет. Честное слово. Я ведь не вру. Я никогда не вру. Подумайте об этом...

Дальский уже не бормотал и даже не стонал, он скулил, тянул бесконечное «уйди-уйди-уйди-уйди», раскачиваясь с закрытыми глазами.

Все рухнуло. Все уже рухнуло. Если Наблюдательный Совет признает его виновным, то устранил в считанные минуты. Вначале из него попытаются выбить всю правду, а потом... Правду... всю правду... Какую правду? О чем?

Он ведь ни в чем не виноват. Никаких переговоров с Мутабором, Мутабора никогда не было в его городе и, наверное, уже никогда не будет. О чем сможет рассказать Дальский во время допроса? О Лешем, конечно, о двадцати восьми – как там их назвал Леший – коллегам по несчастью? О них Дальский расскажет, не сможет не рассказать.

Выходит, что Леший все ставит под удар? Или он и в самом деле уверен в том, что ничего уже нельзя изменить? Уверен. И уверен в себе, в своем могуществе, настолько уверен, что даже не прячется, оставил свои отпечатки, позволил зафиксировать себя системам охраны, он даже пригласил Дальского организовать охоту на себя.

Леший либо сошел с ума, либо настолько в себе уверен.

Дальский открыл глаза – Лешего в кабинете не было.

– Ушел, – выдохнул Дальский. – Ушел.

Ноги плохо держали губернатора, но он смог встать с кресла, дойти до бара. Двумя руками взял бутылку, зубами вынул хрустальную пробку, выронил ее на пол и сделал несколько глотков прямо из горлышка. Посмотрел на Дипломатический квартал и как-то отстраненно подумал о том, что там сейчас происходит. Его судят. Его приговаривают к смерти.

Еще глоток из бутылки. Словно вода. Но страх немного отступил, скукожился, забился куда-то в глубину сознания. Только его липкие, холодные следы остались в мозгу Дальского, на его сердце и в его душе. Как знак, как напоминание о том, что он может делать все: биться головой в стену, строить планы, корчиться в истерике или готовиться к войне, – все это бессмысленно. Будет так, как решил Леший.

Но еще одно было понятно Дальскому – он сделает все, чтобы найти Лешего, чтобы найти и уничтожить Лешего. Как бы тот ни прятался. Как бы...

Дальский всхлипнул.

Это ведь Леший так приказал. Это Леший приказал искать его и попытаться убить. «И что же получается, – подумал Дальский. – Если я не захочу ему подчиниться, то Леший будет в безопасности. Если попытаюсь его уничтожить, то всего лишь выполню его волю? Покорно выполню?»

Дальский отбросил в сторону бутылку, оглянулся на свой

стол, прикидывая, не связаться ли прямо сейчас с охраной здания и не приказать ли заблокировать выходы. Нет, наверное, бессмысленно. Так просто Леший не подставится. Не подставится.

Если бы тут была Инга. Если бы она тут была... То что? Она смогла бы остановить Лешего перед дверью кабинета? Если этого не смогли сделать Митя и Ринат...

Митя и Ринат.

Дальский торопливо прошел через кабинет к двери, наступил на рассыпанный жемчуг, нога поехала, и Прохор Степанович чуть не упал, взмахнул руками, с трудом удержал равновесие. Открыл дверь в приемную. Замер на пороге.

Митя лежал в углу, скорчившись, прижав руки к животу. На лице застыло удивление. Одна лужа крови натекла под животом, другая – под головой. Тонкий багровый ручеек соединил обе лужи. Пистолет Митя так и не вынул. Он, наверное, первую пулю получил в живот, и только вторую – в голову.

Рана в живот парализует человека, но сразу не убивает. Митя, получив пулю, попятился, уперся спиной в стену и сполз на пол. Ему было больно, но, похоже, боль пересилило удивление. Он смотрел не отрываясь на убийцу. И, наверное, не верил себе.

Дальский подошел к столу референта, сел в кресло – Инги сегодня не было, Инга сегодня только возвращается из поездки. Дальский отправил ее по просьбе Лешего. Так совпа-

ло. Или так хотел Леший, но эта поездка спасла Инге жизнь. Дальский поискал в компьютере файл системы наблюдения, открыл.

Митя сидит на диване напротив двери, читает журнал. Ринат – в кресле возле окна. Что-то происходит, наверное, кто-то стучит в дверь. Или что-то за ней зашумело... Митя бросает журнал на диван, встает. Он то ли собирается подойти к двери, то ли хочет посмотреть через монитор на столе референта, что там случилось за дверью.

Но успевает только встать. Поворачивается всем телом к Ринату, тот тоже встает, но с пистолетом в руке. На стволе оружия – глушитель. Выстрел. Митя вздрагивает, делает шаг назад. Еще шаг. Руки прижаты к животу.

Митя сползает на пол. К нему подходит Ринат. Не спеша. Без суеты и нервов. Подходит, поднимает пистолет, и стреляет. Пуля входит в лоб Мити, прошивает голову насквозь, выплескивая темную жижу, и ударяется в стену.

Митя заваливается набок, подтягивает ноги к животу и замирает.

Ринат, не убирая пистолета, подходит к столу, нажимает кнопку, открывая дверь. Входит Леший. Обходит Рината, будто тот всего лишь мебель, садится в кресло Инги.

Дальский посмотрел на время в углу экрана. Ну да, Леше-му пора начинать конференцию.

Ринат стоит посреди приемной, глядя перед собой. Леший что-то сказал, Дальский попытался понять слова по движе-

нию губ, но не смог. Да это оказалось и неважным. Ринат, не торопясь, плавным движением поднес пистолет к виску, замер на секунду. Потом нажал на спуск.

«Может быть, он тоже успел удивиться перед смертью, – подумал Дальский, выключая запись. – Не испугаться – удивиться. Это наверняка странно, вдруг понять, что ты через пару минут себя убьешь. Или через несколько секунд.

Как это сделал Леший? Как-то ведь он это сделал? Не могло же это быть чудом? Это ведь только выглядело так со стороны. Только выглядело.

И смерть Пфальца выглядела таким же чудом. Если не знать, что именно на него укажет программа. И если не знать, что существуют на свете препараты, начинающие действовать строго в назначенное время. С точностью до секунды.

Не было никакого чуда. Все это имеет рациональное объяснение. Нужно его только найти. Просто Леший все заранее подготовил. Он не ошибается. Он никогда не ошибается...»

Дальский посмотрел на Митю и Рината. Улыбка появилась на лице Прохора Степановича, словно судорогой свело щеку. Как это было у Пфальца перед смертью, вспомнил Дальский.

Но сейчас это была не смерть.

Просто губернатор подумал, что раз Леший все планирует заранее, и все у него получается, то, значит, все выйдет и на этот раз. Как он и обещал.

Можно ничего не бояться – Леший всегда держит слово.

Всегда.

Глава 2

– Билеты на «суперсобак» продают по мере заполнения купе и вагонов. Совершенно невозможно приобрести билет в третье купе, пока оставалось незаполненным второе, и в вагон номер пять можно было попасть не раньше, чем будет продан последний билет в вагон номер четыре. – Голос, доносящийся из купе, был молодым, уверенным, его обладатель явно любил порассуждать и привык, что его рассуждения, как минимум, выслушиваются до конца. – Исключений не делается ни для кого. Порядок – общий для всех.

«Он говорит совершеннейшую правду», – не мог не согласиться Стас, входя в купе.

Платформа за окном поплыла назад, а в шестиместном купе номер один пятого вагона класса «общий-плюс» оказались занятыми только три места, Стас понял, что ехать придется в пустом вагоне. И состав скорее всего практически пуст.

– Люди в такое странное время предпочитают не уезжать далеко от дома, – провозгласил обладатель уверенного голоса – парень лет двадцати с небольшим. – Нет, наверное, в первом классе еще есть народ, и в общих вагонах тоже кто-то едет, но наш, пятый вагон – первый из «общих-плюс» в «суперсобаке» Москва – Бахчисарай, посему, если в нем только три пассажира...

Парень посмотрел на вошедшего Стаса, кивнул и внес поправку:

– Четыре пассажира, то и во всех вагонах этого класса их будет всего четыре.

Стас вежливо поздоровался, поставил сумку на багажную полку и представился попутчикам. Ну, была такая традиция на «суперсобаках» – представляться полным именем. Хотя, как подсказывал опыт Стаса, обычно, выслушав имена попутчиков, люди за время поездки так никогда их и не используют. Скорее всего забывают сразу же после исполнения ритуала знакомства.

В купе номер один вместе со Стасом ехали мужчина лет тридцати пяти, смуглый, худощавый, с карими глазами, тот самый парень с уверенным голосом и девушка в возрасте от двадцати до тридцати, стройная, с точеной фигуркой и глазами изумрудно-зеленого цвета.

Ритуал выполнили все. Мужчина назвался Василием, девушка – Ингой, парень – Аристархом. Стас искренне надеялся, что эти трое не обратили внимания на небольшую паузу, допущенную им во время знакомства – до последнего момента начальство решало, ехать ему под своим настоящим именем или использовать виртуальную личность. Уже перед самым выездом из офиса пришло распоряжение использовать свои настоящие данные. Почти настоящие.

Станислав Ильич Колос, тридцати двух лет от роду, финансовый консультант, ехал по личным делам в Харьков. И

все. И достаточно. В Харьков, на Свободную Экономическую Территорию, все ездили исключительно по личным делам. Конечно, отдохнуть и повеселиться. Особенно финансовые консультанты. Человек знающий, получив такую информацию о Стасе, понял бы, что господин Колос в СЭТ собирается провести неофициальные переговоры, а человек с такими тонкостями не знакомый... А кого может интересовать мнение человека, не знакомого с особенностями СЭТ?

Повод для поездки получался совершенно аргументированный, а о том, чем на самом деле собирался заниматься Станислав Ильич Колос, знал сам Стас, его непосредственный начальник и, наверное, торговый консул России в СЭТ.

Причем сам Стас знал о своей миссии меньше всех посвященных. Что делать оперативнику ОКР за пределами России? В смысле, что ему делать официально? Если бы Стаса пару-тройку месяцев перед поездкой накачивали информацией, гоняли по новой легенде, создали бы полноценного виртуала – тогда, конечно. Прибыть, выследить, изъять или, наоборот, подбросить... Захватить или ликвидировать на худой конец. А тут... Перед самой посадкой он получил два чемодана, которые должен был доставить в Харьков и передать непосредственно в руки торгового консула. И все. Что там, в чемоданах, такого, что сопровождать их должен был оперативник высокого класса, а не обычный курьер, Стас не знал, да и не собирался ломать по этому поводу голову.

Слишком много всего случилось за последнее время со

Стасом. Когда перед оперативником ОКР маячит перспектива то ли вылететь с работы, то ли отбыть на пару-тройку лет в Африку для перевоспитания в какие-нибудь каменоломни, а вместо этого, подержав несколько дней под домашним арестом, его отправляют в командировку, – тут нужно просто ехать, не задавая вопросов ни себе, ни окружающим.

Несколько часов на «суперсобаке» до Харькова, потом сдать чемоданы и получить дальнейшие указания. Указание скорее всего будет простым – вернуться на базу. Оперативник почти без прикрытия никому нигде не нужен. Охранник или телохранитель из оперативника, если честно, так себе, не под то заточены. Дополнительный ствол в случае беспорядков или нападения? Так этот ствол вполне мог понадобиться и в Москве – Стас следил за новостями и знал, что ситуация, складывающаяся вокруг Наукома, не располагает Московское представительство ОКР к распылению сил. Ну, не должна располагать. Все подразделения Объединенного Комитета работают без выходных и переведены на казарменное положение. Каждый человек на счету.

Хотя...

Стас откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Если бы он вообще не вернулся из командировки, это устроило бы очень и очень многих. Когда оказывается, что оперативник ОКР убил трех безов СБА – это неизбежно вызывает некоторый психологический дискомфорт в коллективе и опасное напряжение между фирмами, как верно заметил

Альфред Крафт. Самым правильным было бы выдать супер-стрелка безам, не дожидаясь, пока они случайно его не пришьют где-то на улице. А то ведь кого из нормальных людей сторяча убить могут. А еще можно самим грохнуть урода и выставить на всеобщее обозрение, сказал Крафт. Альфред прекрасно знал, что Стас рядом, у него за спиной, что все прекрасно слышит, но Крафту было наплевать на это. Как и остальным участникам разговора в раздевалке.

Может быть, они рассчитывали, что Стас обидится, полезет в драку, и это станет последней каплей, переполнившей чашу терпения начальства. А если Стас Колос будет настойчив, то это позволит всем немного разрядиться и выразить общее настроение коллектива на лаконичном языке жестов. Сказавший это Игорек Калинин рассматривал Стаса с нехорошей усмешкой, Коля с Мишей, на всякий случай сместившись на фланги компании, вбросили в общую беседу что-то вроде – слабо ему. Он только в спину может... И тут нужно было либо продемонстрировать всем свою трусость, либо бросаться в драку.

Стас трусость и продемонстрировал. Тихонько, чтобы не стукнуть, прикрыл дверь шкафчика и, подхватив сумку, вышел из раздевалки под разочарованное улюлюканье бывших приятелей.

Посылать его после этого на операции было равносильно убийству. Нет, свои не всадили бы ему пулю в затылок, что бы там ни говорилось в раздевалке, но на свете существовало

такое множество способов подставить коллегу во время перестрелки... Еще можно было связаться с СБА и намекнуть, что красавец, пристреливший во время Дня Оружия троих безов, будет сегодня вполне доступен...

СБА недолюбливало ОКР, Комитет не испытывал особого дружелюбия к Службе Безопасности, и никто не устраивал бы слишком большого шума, если бы Стас подстрелил хоть десяток безов в тихом укромном месте. СБА, наверное, ответил бы взаимностью, как обычно, или все списали бы на День Оружия. В конце концов, придется где-то еще пересечься ОКР с СБА, незачем воевать изо всех сил, в открытую. Прозевав удар в Москве или каком-то другом Анклаве, ОКР вполне мог отыгаться в Питере и на нейтральных территориях. Поэтому время от времени вспыхивающие конфликты старались не раздувать, а гасить потихонечку. Но Стас убил безов зачем-то прямо под камерой уличного наблюдения. Так что начальство Московского представительства, продемонстрировав просто фантастический гуманизм, после непродолжительного расследования, посоветовавшись со штаб-квартирой ОКР в Питере, вначале просто отстранило Стаса от оперативной работы, а потом отправило в командировку.

«Суперсобака» проскочила трехкилометровую зону и вышла на крейсерскую скорость. Мигнула надпись над стеклянной дверью купе, разрешающая свободно передвигаться по вагону. На информационном табло появилась реклама ва-

гона-ресторана, Стас глянул на бегущие по пластику буквы и снова закрыл глаза.

Свои чемоданы он поставил в отсек для багажа, его личный код и дублированная система безопасности гарантировали сохранность груза, так что вполне можно было пойти в ресторан и расслабиться. Но не хотелось.

Если честно, то больше всего Стасу хотелось подохнуть. Выключиться и исчезнуть. «Вот бы ребята порадовались, – подумал Стас. – Не дождутся».

Стас открыл глаза и посмотрел на попутчиков.

Не исключено, что паренек... как его? Аристарх... был бы не против продолжить лекцию о специфике продажи билетов на «суперсобак», но и Инга, и Василий как-то очень уж демонстративно углубились в свои дела, а Стас в качестве собеседника не подошел сразу. Наверное, главным объектом интереса парня была все-таки девушка, но тут и слепому понятно – ни с кем она углублять знакомство не собиралась. Так что лектору тоже пришлось заняться делом.

Аристарх крутил в руках видеокамеру, нечто навороченное и, похоже, дорогое. Игрушку парень в руках держал уверенно, но с такой бережливостью, что сразу было понятно – камеру парень очень ценит. Или еще толком не наигрался ею. Что-то поправлял, протирал, продувал и переключал, поглядывая на встроенный экран. Возле ног у него стоял открытый кофр, набитый какими-то загадочными для Стаса штуковинами, отблескивавшими стеклом и металлом.

Василий водрузил на стол перед собой переносной комп, воткнул в свою «балалайку» разъем психопривода и углубился в созерцание, насколько смог заметить со своего места Стас, женской обнаженной натуры. Время от времени Василий бросал взгляды на сидящую напротив Ингу, словно сравнивая, и снова пялился на монитор.

Компьютер у мужика был не просто допотопный. Стас подумал, что эта штука может иметь историческую ценность. Или даже украсить выставку антиквариата. В свое время этот шедевр, похоже, принадлежал богатому, но не слишком умному человеку. Кому-то пришла в голову идея отделать комп красным деревом и украсить перламутровыми вставками. Деревянный корпус был оснащен уголками, как старинный пиратский сундук, и уголки эти, кажется, были из золота.

Все это кошмарное богатство было отполировано, дерево покрыто лаком, на золотых уголках не было ни царапинки – за компом явно следили, холили и лелеяли. К такому чудовищу нужно быть очень привязанным, чтобы таскать с собой в дальние поездки. И быть очень уверенным в себе человеком. Стас по роду своей профессии знал, что убить или искалечить могут за куда менее ценные вещи. А тут одного золота...

Василий, заметив интерес Стаса, истолковал его по-своему, подмигнул и повернул монитор так, чтобы сосед по купе тоже мог полюбоваться картинками.

Стас из вежливости с минуту смотрел на экран, потом зев-

нул и закрыл глаза, демонстрируя свое желание поспать.

И чуть на самом деле не уснул. В самое последнее мгновение удержался на грани сновидения. Как над пропастью. Там, в багровой глубине, его поджидали смерть и кровь. И грохот выстрелов, и визг пуль, отлетающих от камней и металла.

Стас потер виски кончиками пальцев.

– Голова? – участливо спросил Василий.

Аристарх искоса посмотрел на Стаса и тихо хмыкнул. Свой аппарат он медленно поворачивал в сторону попутчицы, надеясь, по-видимому, незаметно сделать снимок.

– Все нормально, – ответил Стас. – Устал немного...

– Проводы затянулись? – понимающе улыбнулся Василий. – Я и сам только за два часа до рейса вспомнил, что нужно ехать. Но я принял таблеточку, и голова снова думает и соображает. Могу поделиться...

Любитель женской обнаженной натуры полез в нагрудный карман пиджака, достал металлический футляр.

– Нет, спасибо, – покачал головой Стас. – Все пройдет.

– Напрасно, – Василий выкатил из футляра полупрозрачный шарик и сунул его себе в рот. – А я вот приму еще... Вот это да!..

На экране компа появилась дама, обладавшая действительно выдающимися достоинствами. Василий глянул на попутчицу с некоторой даже досадой. Если бы ее не было, мужчины могли бы обсудить данные моделей, обговорить пред-

почтения, поделиться воспоминаниями...

Инга сидела, закинув ногу за ногу, кончик указательного пальца правой руки скользил по подлокотнику кресла – девушке явно было не до едущих вместе с ней мужчин, она вывела информацию на наноэкраны, напыленные на глаза, и то ли просто рассматривала что-то, то ли работала.

«Наверное, работает», – подумал Стас. Инга производила впечатление очень серьезной девушки. И очень уверенной в себе.

В купе вообще собрались очень уверенные и серьезные люди. Один не боится открыто возить с собой золото, другая просто излучает вокруг себя силу и волю, третий поставил себе задачу и медленно, миллиметр за миллиметром, поворачивает объектив в нужном направлении. И только Стас, крутой, по идее, оперативник при исполнении, никак не может придумать, чем заняться во время путешествия.

Можно было почитать. Или посмотреть кино. Вот, на информационном табло опять пошла реклама вагона-ресторана. Любая кухня мира. Богатейший выбор напитков.

Стас вздохнул и закрыл глаза.

Он даже куртку снять не может. Наплечная кобура с «дыроделом» и запасными магазинами слабо сочетается с образом финансового консультанта. Можно послушать новости через «балалайку», но там опять будет что-то о кризисе вокруг Станции, о дипломатических демаршах, угрозах и бряцанье оружием. Авианосцы уже несколько дней крутятся

неподалеку от Кольского полуострова. Крутятся и крутятся. А нужно бить, в этом Стас был уверен. Толку в демонстрации силы, когда ее нужно применять?

Или нужно договариваться до того, как достанешь ствол. Оружие никогда не помогало в переговорах, это Стас знал на собственном опыте. Оно делало переговоры ненужными, но слишком долго махать им перед лицом собеседника – значило нарваться на неприятность. И он привыкнет, что ты только угрожаешь, и ты забудешь, что из пистолета нужно стрелять. Ты будешь говорить-говорить-говорить, тебе станет казаться, что вот еще слово, и твой оппонент признает твою правоту... Но даже и через два часа такого разговора произойдет только то, что могло произойти на первой минуте. Как говорил первый инструктор Стаса, пистолет – для того, чтобы стрелять. Для качания мышц руки – гантели.

Чуть приподняв веки, Стас убедился, что Василий утратил к соседям по купе всякий интерес, привалился плечом к стенке вагона, поставил комп на колени так, чтобы ни Стас, ни Инга, ни мальчишка не могли ничего увидеть на мониторе. И по его блестящим глазам было понятно, что пошли на экране картинки погорячее. Да, такая озабоченность в таком зрелом возрасте...

Вот этот тип вполне мог ехать в Харьков за развлечениями. Там таких, если верить информации из Сети, хватало. И спроса хватало, и предложений.

Аристарх, наконец, спрятал свою камеру в кофр и уснул,

скрестив руки на груди. Теперь он казался еще моложе. Выглядел лет на семнадцать-восемнадцать, никак не старше.

Инге, если вдуматься, повезло.

Это при Стасе и фотографе озабоченный Василий сосредоточился на виртуальных радостях, а если бы ехали с девушкой вдвоем, то извел бы ее своими предложениями познакомиться, выпить за встречу, пригубить на брудершафт, перейти на «ты»... Не факт, что ему что-нибудь обломилось бы, но и возможности спокойно поработать Инга тоже бы лишилась. Разве что она врезала бы Васе по смоляной прическе чем-нибудь тяжелым.

Стас улыбнулся, представив себе эту картину, перевел взгляд на руки Инги и почувствовал, что улыбка медленно гаснет.

Руки были красивые, ухоженные. Ноготки – отполированы, покрыты прозрачным лаком с легким розовым оттенком. Тонкое кольцо на указательном пальце левой руки было из какого-то новомодного дорогущего сплава. Или Инга достаточно богата, чтобы купить себе такую штучку, или есть кто-то, кому она позволяет себя так баловать.

Но и это не самое интересное в руках милой девушки. Кожа гладкая, ровная. Но на костяшках изящных пальчиков как-то уж очень... крепкая, что ли. И запястья, вдруг сообразил Стас, такие... крепкие. Не грубые, не толстые, а вот именно крепкие. Такое впечатление, что девушка этими руками умеет делать много разных смешных фокусов. Напри-

мер, сломать кадык ребром ладони. Или пальцами ударить в какую-нибудь болевую точку.

А если это перехват?

Стас почувствовал, как по телу прокатилась теплая волна, как всегда у него бывает перед схваткой. Если это и вправду перехват, то ведь не сейчас же она будет его убивать? Из несущейся по эстакаде «суперсобаки» никуда не денешься, придется ждать остановки, а ближайшая – это Харьков. Вряд ли у него в чемоданах может быть что-то настолько ценное и срочное, чтобы приняли такой сложный вариант. Да и чемоданы в грузовом отсеке, туда тоже так просто не попадешь. И если тут начнется суета, то охрана состава прибудет очень быстро. Некоторые пассажиры, едущие на «суперсобаке», забывают, что здесь везде стоят сенсоры и камеры видеонаблюдения, даже в купе первого класса.

Значит, Инга если и начнет что-то вытворять, то лишь после приезда в Харьков. Но там его будут ждать. И девушка в одиночку все равно ничего сделать не сможет. Ну, разве что она не просто девушка...

У кого-то очень богатое воображение, сказал себе Стас. Очень-очень богатое воображение. Должно быть, она из приличной семьи, помешанной на здоровом образе жизни. Такие прыгают с парашютом с крыш небоскребов, гоняют на машинах-«табуретках», часами занимаются в залах, берут уроки у всяческих сэнсэев... Или работает девушка у кого-то телохранителем.

И просто не нужно забивать себе голову всякой ерундой, а нужно закрыть глаза и немного подремать. А вдруг его дежурный кошмар на этот раз постесняется свидетелей? И удастся поспать до самой остановки? Или хотя бы часок-другой?

Он очень давно не спал хотя бы два часа подряд. Врач рекомендовал ему таблетки, но Стас к рекомендации не прислушался. Вернее, один раз попробовал, но оказалось, что снотворное не защищает от кошмара, оно просто не дает из него выбраться.

Стас вздохнул, медленно выдохнул, прислушиваясь к своему сердцебиению. Спокойно. Я только вздремну. Я только...

...Улица. Это где-то на Болоте. Стас не помнил названия, он редко бывал в этих местах, а во время начавшегося Дня Оружия вообще должен был находиться в управлении. Ехал туда, но тут грянуло, он несколько раз свернул наугад, потом попытался следовать советам навигатора, а затем нарвался на автоматную очередь.

Мобиль занесло, Стас успел выпрыгнуть из салона и, лежа на спине, смотрел, как два автомата самозабвенно дырявили пластик и металл, вырывали клочья из обивки сидений мобиля. Стрелки слишком увлеклись техникой, поэтому Стас сумел добраться до подворотни живым. Автоматы потом попытались его достать, но было уже поздно.

Стас смог перевести дыхание, попытался осмотреться, но

в глубине двора завизжала «дрель», ей ответила другая, зачастил «дыродел», и стало понятно, что отсидеться здесь не получится. Нужно уходить.

А еще через минуту Стас понял – чтобы выжить, придется убивать. Парень выскочил из-за угла, увидел Стаса и допустил ошибку. Ему нужно было просто изменить направление или даже не сворачивать, а пробежать мимо, опустив «дрель». Но парень был слишком возбужден. Или напуган.

Всякого, оказавшегося у него на пути, он считал угрозой или в крайнем случае помехой. Ему и в голову не могло прийти, что кто-то сегодня может не желать ему смерти. Парень вскинул «дрель».

И Стас выстрелил. Пуля из «дыродела» пробила бедняге лицо. И опрокинула парня навзничь. «Дрель» отлетела в сторону. Стас зачем-то подошел к убитому, проверил пульс. Сердце, понятное дело, не билось. Парень умер, еще падая. С такой дырой в голове...

Стас прыгнул в сторону еще до того, как услышал начало автоматной очереди. И выстрелил, прежде чем рассмотрел нападавшего. Автоматчиком оказался паренек лет шестнадцати. Пуля ударила его в грудь, автомат выпал, а сам паренек медленно сполз по стене и завалился набок. Наверное, он гнался за этим, с «дрелью». Ему бы понять, что человек, убивший его врага, скорее всего друг, но в такой день – никто не имеет друзей. Каждый сам за себя.

На улице, совсем рядом, подал голос «ревун». Коротко,

словно прочистил глотку. Или поздоровался. Стас стоял над убитым пареньком, все еще не веря в случившееся, когда «ревун» выпустил длинную очередь. Кто-то истошно закричал, но крик быстро оборвался.

Рвануло.

Потом рвануло еще раз, но ближе. Где-то над самой головой Стаса. Посыпались обломки кирпича, осколки стекла. Прижимаясь к стене спиной, Стас глянул вверх – из выбитого окна появились клубы черного дыма.

«Ревун» сделал паузу – стрелок перезаряжался. Теперь ударил автомат, он бил откуда-то сверху, Стас слышал только звук, но не видел ни вспышек выстрелов, ни того, кто стал мишенью. Снова наверху рвануло, и из дыма на третьем этаже вылетел человек. Тело упало посреди двора, голова от удара об асфальт раскололась.

Стас огляделся – нужно было уходить. Нужно было двигаться, это первое правило в условиях уличного боя. Оставшись на месте, человек, каким бы крутым бойцом он ни был, обрекал себя на смерть. Уходить...

Клубы дыма заполнили пространство между домами, даже если кто-то и будет целиться во двор, то никого он там не увидит. Стас бросился вперед, стараясь держаться ближе к стене и зачем-то считая шаги. На тридцать седьмом он услышал чей-то возглас, оттолкнулся от стены и метнулся в сторону. Три пули одна за другой ударились в кирпичи, туда, где только что был Стас.

Еще две пули выбили крошку из асфальта.

Кто-то настойчиво пытался убить человека, бегущего через двор. Человека, который стрелку не сделал ничего плохого, а только пытался выжить. А стрелок просто имел возможность убивать и не видел причин этой возможностью не воспользоваться. Будь у него чуть больше опыта, он бы наверняка подстрелил бегущего человека. Но практики было маловато, да и стрелять из пистолета сверху вниз по движущейся мишени не очень удобно.

Так что Стас успел свернуть за какую-то пристройку, ударился плечом в дверь, отлетел назад, зашипев от боли, оглянулся, пытаясь найти выход, но перед ним был тупик, а на проклятой двери не было даже ручки. Стас выстрелил в окно первого этажа. Стекло вылетело, обвалилось крупными кусками, разлетелось на мелкие осколки, ударившись об асфальт.

Что было за окном, Стас рассмотреть не мог – висела какая-то замызганная штора, да и само окно находилось на высоте человеческого роста. Стас подпрыгнул, стволом пистолета сбил несколько осколков стекла, застрявших в раме. Сунул пистолет в кобуру, снова подпрыгнул, ухватился руками за раму и, подтянувшись, влез в окно.

Запутался в ткани, и пока сдирал ее с себя, успел представить, как кто-то, пусть даже обычная, но очень напуганная старушка, хватает со стола старый кухонный нож и бьет непрошеного гостя, так удачно застрявшего в объятиях што-

ры. Длинным таким ножом, с широким лезвием.

В комнате никого. Да и мебели почти нет, лишь голый стол и топчан в углу, покрытый чем-то пестрым. Хозяину нечего было прятать и охранять, потому и окно без решетки. Иначе бы Стасу пришлось туго – за окном зачастил автомат, пули звонко бьют по стенам. Зазвенело неподалеку разбитое стекло.

Двигаться, напомнил себе Стас. Двигаться.

За дверью – кухня, такая же неухоженная и грязная, как комната. На пятнистом от грязи столе – кастрюля с какой-то мутной жидкостью. Рядом – распечатанная упаковка «народного хлеба». Хозяин квартиры, похоже, собирался поест, но какие-то неотложные дела оторвали его от этого важного занятия.

Входная дверь распахнулась, и на пороге показался мужичок лет шестидесяти, держащий в руках перед собой телевизионную панель. Выглядело все так, будто он ее выдрал из стены. На кронштейнах белели куски отделочного пенопластика.

– Это... – сказал мужичонка, глядя на Стаса. – Ты чего?..

– Там не стреляют? – спросил Стас, указав на дверь.

Пистолет снова был у него в руке, палец только чудом не нажал на спуск, когда дверь открылась.

– Нет пока. – Мужичонка сглотнул, кадык дернулся вверх-вниз и замер. – Там народ магазин чистит... Так не протолкнешься. Хотел зацепить чего-нить пожрать, так разве успе-

ешь за ними... Вот, хоть панель взял... Мне нужно, – на всякий случай добавил мужичонка. – А ты как сюда попал?

– Через окно...

– Разбил?

– Ну... – Стас неопределенно помахал оружием.

– Сволочь ты и больше никто. – Мужичонка поставил панель на пол, прислонив к стене, потом подошел к двери в комнату, приоткрыл ее и глянул внутрь. – Как есть – сволочь... Где ж я...

Во дворе раздался взрыв, раму внесло в квартиру, отшвырнуло мужичка прочь. Он упал, потрясенно глядя в потолок.

– Ты уж меня извини, – сказал Стас и вышел из квартиры.

На лестничной клетке второго этажа кто-то хрипел. И женский голос что-то бормотал нечленораздельно, срываясь на визг.

– Да заткни ты ее, – сказал мужчина. – Мешает...

Звук удара, и визг оборвался.

Стас поднял руку с «дыроделом» и медленно поднялся на второй этаж, стараясь ступать бесшумно. Там насиловали женщину. Ее голые ноги елозили по полу, два парня сосредоточенно трудились. Третий лежал возле ступеней и умирал. Это его хрип услышал Стас. Кровь тяжелыми каплями падала в лестничный пролет.

Два выстрела: парни упали, а женщина снова закричала. Стас подошел, оттолкнул мертвые тела, хотел помочь жен-

щине встать, но та ударила его по руке и, даже не пытаясь привести в порядок одежду, встала на колени, скуля и повизгивая. От нее отчетливо несло спиртным, дешевым пойлом, которое только и могли себе позволить обитатели этих трущоб. Половина лица женщины покраснела и опухла. Из носа текла кровь.

– Ильяс, – позвала женщина и тронула одного из убитых за плечо. – Ильяс!

Перевела взгляд на второго. Потом посмотрела на Стаса.

– Ты чего?.. – спросила женщина. – Какого ты хрена пацанов убил? Да ты...

Стас отвернулся.

С верхних этажей доносились какие-то крики, звон бьющегося стекла. Женский визг.

Только сейчас Стас заметил большую сумку, стоящую в стороне. Туго набитую сумку.

– Козел! – выкрикнула женщина. – Что ж я теперь без них делать буду? Ильясик, дорогой!.. А ты...

Стас услышал за спиной металлический щелчок и оглянулся – женщина, стоя на коленях, держала в руках пистолет, какую-то древнюю штуку, потертую, блестящую на гранях. И патроны в пистолете были древними, только это, наверное, и спасло Стасу жизнь. Пистолет дал осечку. Женщина передернула затвор, патрон вылетел вправо, ударился в стену и, прокатившись по полу, остановился в луже крови.

– Сволочь, – выкрикнула женщина, поднимая пистолет.

Черный кружок дула посмотрел Стасу в лицо. Все замерло: и Стас, и палец на спусковом крючке древнего оружия, и даже капля крови, сорвавшаяся с подбородка женщины, тоже замерла в воздухе.

Дальше все получилось как бы независимо от воли Стаса: «дыродел» сам собой взлетел, увлекая за собой руку, палец, не дожидаясь команды мозга, нажал на спуск, грохнуло. Женщина отлетела к лестничному пролету, широко взмахнув руками.

– Надо уходить, – сказал себе Стас.

Что-то сместилось у него в сознании, изменило окружающий мир и отношение к этому миру тоже изменило.

Умирающий у него под ногами снова захрипел, Стас, не задумываясь, прострелил ему голову и спустился на первый этаж.

– Надо уходить, – повторил Стас, на секунду остановившись перед дверью подъезда.

Толкнул ее и вышел на улицу.

Там стреляли. Справа строчил автомат, слева в ответ ему не очень уверенно гроыхало ружье. Судя по звуку – старое, охотничье. Клубы дыма плавали между домами, но ничего на улице не скрывали.

Два тела лежали возле мобиля, уткнувшегося в столб. Мужчина и женщина. Стас медленно пошел по улице направо, к автоматчику. Просто шел, даже не пытаясь прятаться, не пытаясь стать незаметным. Шел и шел, держа «дыродел» в

опущенной руке, до окна, из которого стрелял автомат, оставалось пятьдесят метров, потом двадцать, пули вылетали из ствола, но шли они над головой у Стаса, будто стрелок не видел его. Или игнорировал...

Когда Стас подошел к самому дому, дверь распахнулась, и оттуда выбежал мужчина в черном комбинезоне из кевлайкры. Замер, натолкнувшись на Стаса, глаза его расширились, будто внезапно увидел он нечто ужасное... Мужчина открыл рот, словно собирался закричать, Стас сунул ему пистолет между зубами и выстрелил. Стер левой рукой со своего лица капли чужой крови и пошел по улице дальше...

...Стас вздрогнул и открыл глаза. Сглотнул комок, подкативший к горлу. То, что он не закричал – уже хорошо. Правда, и из кошмара он вывалился слишком рано. Обычно Стас с криком просыпался в тот момент, когда очередь из «ревуна» разрывала в клочья женщину, пытавшуюся вынести своих детей из-под огня. Иногда кошмар оказывался сильнее и удерживал Стаса до того момента, как он, осторожно отнеся то, что осталось от женщины и двух девочек, к стене, в полный рост добрался до машины СБ и расстрелял безов, сидевших внутри. Всех троих. В затылок, в лоб, в висок.

Потом признали, что действовал Стас в состоянии аффекта, что безы допустили ошибку, открыв огонь по безоружным людям, и Стас был вынужден...

Начальство и следственная комиссия сочли, что Стаса можно простить. А вот кошмар с их мнением не согласился.

Не нужно было пытаться его обмануть. Не нужно было засыпать, надеясь на чудо. Лучше бы Стас действительно сходил в ресторан. Или вон вместе с Василием пялился на веселые картинки в компе... Тогда не пришлось бы просыпаться вот так, с колотящимся сердцем, с криком, застрявшим в глотке.

«И что-то тут не так, – подумал Стас. И повторил: – Что-то тут не так». Сердце не колотится. Работает спокойно. Не оно разбудило Стаса. А сигнал «балалайки».

Стас чуть не засмеялся. Вовремя кто-то попытался сломать ему «балалайку». Вот никогда не думал, что сможет так радоваться появлению «ломщика». Или «ломщицы».

Атака началась полторы минуты назад, когда чужая программа вошла только во внешний слой защиты «балалайки» Стаса. «Сторожа» в «балалайках» стандартно не обращают внимания на поверхностное зондирование. Мало ли кто решил попытаться пообщаться с человеком? Вот если посетитель становится настойчивее, не останавливается в разделе коммуникаций, а настойчиво продвигается глубже, тут уж «сторож» предупреждает своего подопечного, но не предпринимает ничего, дожидаясь команды.

Если это какой-то жулик пытается расколоть лопушистого прохожего на номер счета или еще какую безделицу, то зачем ему сразу знать, что выбрал он себе добычу не по зубам?

Сейчас «ломщик» качает из «балалайки» Стаса «виртуалку», сведения, полностью соответствующие нынешней ле-

генде. Там будет большая подборка финансовой информации, бизнес-новости за последнюю неделю, план-календарь и тому подобная достоверная ерунда.

«Сторож» в это время отслеживает источник атаки, определяет параметры агрессора, устанавливает степень опасности проникновения и готовит контрудар. Если окажется, что «ломщик» действительно опасен, то «сторож» примет меры самостоятельно. Если же «ломщик» окажется слишком толковым для программного обеспечения «балалайки», то его действия все равно невозможно будет ни отследить, ни пресечь.

Сегодня Стасу попался «ломщик» уровня ниже среднего. Вообще любитель. Или начинающий. И дурак.

Это ж кем нужно быть, чтобы решиться ломать «балалайку» даже не оперативника – мог бедняга и не знать, что полез к оперу ОКР, – а просто соседа по купе в пустом вагоне «суперсобаки», не имея возможности ни спрятаться, ни отступить в случае чего.

Стас мог сразу запросить у «сторожа», кто из троих попутчиков творит глупости, но опасности прорыва не было, времени до прибытия в Харьков – предостаточно, так почему бы и не занять себя сеансом дедукции?

Значит, один из троих... Нет, они все могут быть соучастниками, но ломает-то все равно кто-то один. Инга, например.

Сидит спокойно, стройная ножка покачивается, вполне себе аппетитные бедра обтянуты узкой юбкой, не очень

длинной, но и не слишком короткой, светло-серая блузка подчеркивает то, что нужно, но не выглядит вызывающей.

Девушка спокойна, указательный пальчик правой руки лишь время от времени скользит по подлокотнику. Можно так ломать чужую «балалайку»?

Василий увлеченно руководит чем-то в своем компе, глаз с монитора не сводит. И можно поспорить, что у него там разворачивается вполне определенный сюжет. Или нет? Он продемонстрировал всем это свое роскошное убожество, замотивировал свой интерес к компу и нежелание демонстрировать картинку на мониторе остальным и сейчас, если верить «сторожу», пытается мягко зацепить биографические данные на Станислава Ильича.

Или это Аристарх. Прикинулся спящим, вон даже слюну пустил из уголка полуоткрытого рта, а сам злонамеренно нарушает кучу законов. И вообще нарывается на неприятности. И даже не нарывается, а уже нарвался...

Ладно, решительно оборвал свои размышления Стас. Нечего тут устраивать игрища. Что там говорит «сторож»?..

М-да, Вася-Вася... Ломиться в защищенную «балалайку» с такой квалификацией – это даже не наглость. Это глупость. Даже если бы Стас и вправду был финансовым консультантом, то и в этом случае его информация была бы гарантированно защищена от атаки устаревшей программы, которая и в момент своего рождения особой изощренностью не отличалась.

И что дальше? Сделать вид, что ничего не происходит? А в Харькове передать дурочка тамошним безам? Потребовать ареста, расследования и прочих изысков? Легенда Стаса – только для попутчиков, для официальных лиц – он официальный представитель ОКР. И даже значится на всякий случай сотрудником службы безопасности Торгового представительства РФ в СЭТ. Имеет дипломатическую неприкосновенность.

Стас еле сдержал улыбку.

Наверное, забавное получилось бы выражение лица у Василия, докопайся он до настоящего статуса финансового консультанта. Вот бы перепугался.

А вот это уже напрасно... Совсем напрасно. Пока Василий честно пытался внедриться, это еще можно было игнорировать, но то, что он запустил вирус, и не просто червя, а боевого стирателя – это требовало немедленного вмешательства.

Стас вздохнул и открыл глаза.

– Инга, простите...

Девушка повернула голову. У нее и в самом деле был потрясающий цвет глаз. Прозрачные изумруды холодно глянули на Стаса.

– Вы не могли бы чуть отодвинуть ноги, – вежливо улыбаясь, попросил Стас. – Вот чуть-чуть...

– Что? – Инга недоуменно приподняла брови.

– Ноги. Правую и левую. Чуть в сторонку, – Стас указал

пальцем, куда девушке нужно передвинуть ноги.

– С ума сошли? – осведомилась Инга.

Василий посмотрел на Стаса с некоторым даже изумлением на лице. Как смотрят на внезапно сошедшего с ума человека.

– Ну, я вас очень прошу, – протянул просительно Стас, вставая с кресла. – Ну что вам стоит?

Инга задохнулась от такой наглости, Василий хмыкнул, Аристарх что-то пробормотал, но не проснулся.

– На одну секунду, – сказал Стас и ударил Василия, не глядя.

Неприятный удар. Можно даже сказать – нечестный. В спарринге или в настоящем бою его и не применишь никак, нанести его удастся только человеку, не ожидающему такой пакости от ближнего своего. Костяшками пальцев в кадык. Тут главное не ударить слишком сильно.

Василий захрипел, хватаясь руками за горло. Засучил ногами, толкнул Ингу подошвой ботинка по туфле.

– Ну, я же просил подвинуть ноги... – покачал головой Стас, доставая из кармана куртки «браслет». – Сами виноваты, между прочим. Такие туфельки повредил...

«Браслет» защелкнулся на запястье хрипящего Василия. Стас взял раритетный комп, выдернул разъем психопривода из «балалайки» агрессора и вернулся на свое место.

Поколебавшись, подключился к изъятому оборудованию. «Сторож» быстро вошел в систему, вырубил активные про-

граммы, дезактивировал вирус и выключил, наконец, сигнал опасности.

– Извините, – сказал Стас Инге. – Я не хотел вас беспокоить...

– Вы так развлекаетесь? – Инга мельком глянула на Василия, все еще не восстановившего дыхания, и снова перевела взгляд на Стаса. – Людей калечите?

– Не всех, не всегда, не развлекаюсь, – Стас вздохнул, полез во внутренний карман куртки и достал удостоверение.

Карточка полыхнула голограммой, подтверждая свою подлинность.

Может быть, на Ингу документ и произвел впечатление, но на ее лице это не отразилось. Разве что губы чуть изогнулись, придавая холодному выражению лица еще и оттенок брезгливости.

– С-сука... – прохрипел, наконец, Василий. – Совсем совесть потерял?

– Ты знаешь, сколько можешь огрести за попытку взлома «балалайки» официального лица? – спросил Стас.

– Ничего я... – Василий закашлялся, не сводя взгляда со своего компа. – Я просто так... Интересы ради.

– Вот наказания для и огребешь, – улыбнулся Стас. – Скоро приедем в Харьков, там и поговорим...

– В Харьков? – удивился Василий и даже перестал кашлять. – Ты же до конца едешь... В Бахчисарай...

– С чего это? – теперь удивился и Стас. – Чего я не видел

в Бахчисарае?

– А чего ты не видел в Харькове? – резонно возразил Василий. – Ты в Бахчисарай ехать должен, мне же сказали...

Василий задумался.

– Неужели подставили? – пробормотал он. – Никому нельзя верить... Говорил мне батя...

– Послушайте, как вас? – Инга сделала вид, что пытается вспомнить имя Стаса. – Если мы с вами выйдем на секунду из купе, этот Вася не сбежит?

– Нет, – ответил Стас и подмигнул Василию. – С «браслетом» на руке еще никто не сбежал. Болевой шок, он, знаете, такой болевой... А что?

– Выйдем тогда, поговорим, – Инга встала с кресла, открыла дверь купе и уже из коридора оглянулась на Стаса. – Ну?

– Ты, Василий, имей в виду, тебе сейчас ни махать конечностями, ни пытаться двигаться нельзя. Ты ведь это и сам знаешь? Видал такие штуки?

– Видал. – Василий вздохнул. – Только я ни при чем... Так, из любопытства.

Стас вышел в коридор и прикрыл за собой дверь.

– Если вы на тему пофлиртовать, – Стас самым доброжелательным образом улыбнулся Инге, – то, боюсь, мы не успеем толком. Разве что – прелюдия. И то...

Стас скорчил гримасу, демонстрируя свое отношение к таким вот скомканым сексуальным отношениям. Инга на-

чала себя вести странно, это Стаса насторожило. И лучше корчить дурака, чем вот сразу начинать конфликт с незнакомой девушкой.

– Вы знаете, кто он? – спросила Инга, твердо глядя в лицо Стасу.

Они были почти одного роста, во многом благодаря высоким каблукам ее туфель. Стаса всегда поражала способность женщин передвигаться на подобных сооружениях. Его вообще многое в женщинах удивляло.

– Я задала вопрос, – напомнила Инга. – Постарайтесь не пялиться на мои ноги и грудь, а ответить.

– Я что-то пропустил? Вы мне показали какой-нибудь документ, разрешающий говорить таким вот тоном?

Инга чуть прищурилась, словно прикидывая, стоит врезать собеседнику, или он и сам перестанет нести чушь.

Из купе донесся болезненный вскрик.

Стас, не оборачиваясь, открыл дверь:

– Я же предупредил – сидеть смирно. Теперь имей в виду, второй удар будет гораздо сильнее.

– Да понял я, понял... – простонал Василий, и дверь купе закрылась.

– Так о чем мы? – спросил Стас. – Ах да, вы поинтересовались, знаю ли я, кто он. Знаю. Придурок, который полез ко мне в «балалайку» и попытался запустить вирус. Этого недостаточно?

– Он цыган, – сказала Инга таким тоном, будто произнесла

по меньшей мере «наследный принц».

– И? – Стас приподнял бровь.

– И сын барона.

– Баран... – подхватил Стас. – Вы его хорошо знаете? В Москве познакомились?

– Он харьковский, как и я, – спокойно произнесла Инга. – И можете не стараться, меня вы «раскачать» не сможете. Ни через вариант клоуна, ни через какой другой. Я при любом раскладе скажу только то, что собиралась. Хотя, признаю, дурака вы изображаете очень достоверно... Вы не знаете, кто такие цыгане?

– Я, естественно, знаю, кто такие цыгане, – Стас стал серьезным – девушка намекнула, что знакома с разработками психологов по ведению экспресс-допросов, значит, с ней эти штуки действительно не пройдут. А жаль. – Но я не понимаю, почему это мое знание так волнует вас.

– Вы наверняка знаете, что поголовье... – Инга выделила голосом именно «поголовье», – поголовье цыган за два последних десятилетия сильно сократилось. Ни Конфедерация, ни Исламский союз не испытывают к ним особой нежности. Уцелеть цыганам удалось лишь в совсем уж глухих районах России... Или в таких экзотических местах, как Харьков. У нас их проживает что-то около ста тысяч. Не знаю, как ведут себя цыгане в остальных местах, но в Харькове они традиционно сильны. Централизованы. Во главе – барон.

– Баро... – машинально поправил Стас.

– Значит, вопросом все-таки владеете, – кивнула Инга. – Только у нас они и сами Романа Петрова называют бароном. – И?..

– А Василий, которого вы только что задержали, его сын и наследник... – Инга еле заметно улыбнулась. – Вы надолго планируете задержаться в Харькове?

– Не знаю. А что?

– Ну... С Василием Романовичем Петровым на руках вы рискуете либо застрять здесь надолго... я имею в виду – на очень долго или вообще не сможете покинуть здание вокзала. Разве что под мощным эскортом. Или на вертолете. Но ни того, ни другого у российского консула в СЭТ не имеется. А местные безопасники вам помогать не станут.

– Что значит – не станут?

– Два варианта – они либо разрешат вам самому все делать: конвоировать, допрашивать, наказывать... Либо примут от вас Василия и выпустят его, как только вы покинете здание.

– Даже вот так? – Стасу жутко не нравилось, когда его пугают, а сейчас его именно пугали, причем самым неприкрытым образом. – А вы мне, часом, не сказки рассказываете?

– А вы попытайтесь себе представить возможности группировки, которая смогла отразить атаки китайцев, вудуистов, мусульман и просто кантор нашего прекрасного города? Их ведь пытались целенаправленно вырезать. Только я

помню две попытки... – Инга сделала паузу. – Две общие попытки. Единственное, ради чего наши поднебесники согласились действовать совместно с канторщиками и африканцами – это война с цыганами. Безуспешная война. До сих пор Табор окружен поясом руин. И всякий, кто туда пытается войти, рискует не выйти... Сто тысяч бойцов...

– Вы же только что сказали, будто их всего сто тысяч...

– Да. И бойцов – тоже сто тысяч. Женщины, дети, старики... Это очень старая традиция...

Что-то резануло слух Стаса. Что-то в интонации девушки. Неправильно поставленное ударение? Необычный логический акцент?

– В принципе мне нет дела до вашей дальнейшей биографии. Меня волнует спокойствие в моем городе, – ударение на «моем», отметил Стас.

– Это ваш город? – Стас сделал удивленное лицо.

Инга пожала плечами.

– Я вас предупредила. – Девушка оглянулась, в конце коридора открылась дверь тамбура. – Вот и охрана поезда. У вас еще есть шанс...

– Знаете, – сказал Стас. – Я, пожалуй, все-таки его задержу. Мне очень интересно послушать, кто же его подставил. И почему это я должен был ехать в Бахчисарай. Вот любопытный я.

Охранники на рейсе Москва – Бахчисарай, естественно, были турками. Русский они, наверное, знали, но талантливо

скрывали это свое знание. Спасибо еще, опознали удостоверение ОКР и не стали требовать немедленного освобождения Василия. Их вполне устроило то, что билеты и у Стаса, и у задержанного были до Харькова, и что именно в Харькове оба и собирались покинуть поезд.

– Значит, Вася, – сказал Стас, вернувшись в купе, скоро приедем. И там поболтаем.

– Нечего нам болтать, – быстро ответил Василий. – Не о чем нам болтать. Отпусти цыгана, парень! Просто отпусти...

– Просто отпустить? – переспросил Стас и подмигнул Инге. – Не могу. Любопытный я, Вася. Очень любопытный.

– Так я ничего и не знаю. Что тебе может сказать цыган?

– Кто тебя подставил, например. – Стас посмотрел на Ингу, на проснувшегося и все еще ничего не понимающего Аристарха. – Но не здесь и не сейчас. Не будем навязывать ни в чем не повинным людям лишнюю информацию... Потерпим?

– Цыгана нельзя хватать, – Василий попытался повысить голос, но Стас сделал страшные глаза и указал пальцем на «браслет». – Нехорошо хватать цыгана...

– Так ты – цыган? – оживился Аристарх и потянулся к кофру. – Настоящий?

– Дорогая, наверное, штука? – спросил Стас.

– Что? А... Вы о камере? Да, дорогая... – Аристарх открыл кофр. – Очень...

– Жалко будет, если разобьется, – доброжелательно про-

должил Стас. – Если, например, упадет на пол – совсем плохо? Или можно будет починить? Можно? А если пинком ее да об стену?

Аристарх замер, наклонившись к кофру.

– Ты же гражданин РФ? – спросил Стас. – Или трудишься на Корпорации?

– Гражданин.

– Как удачно все складывается. Значит, твоя камера может ломаться на почти законных основаниях. А пожаловаться ты сможешь в ОКР.

Аристарх закрыл кофр и отодвинул его к стене.

– Ты ведь развлекаться едешь? – поинтересовался Стас.

– Работать.

– Кем? – удивился Стас. – Корреспондентом? В командировку?

– На постоянную работу, – хмуро ответил Аристарх.

– Брось, – искренне не поверил Стас. – Москву на эту дыру поменял?

– Отпусти цыгана... – потребовал Василий.

Инга вздохнула.

Аристарх обиженно шмыгнул носом, сообразил, что получилось это совсем уж по-детски, и замолчал. Ну, не рассказывать же оперу, какие деньги обещаны за работу в провинциальной службе новостей. Хотя, конечно, очень хотелось.

«Суперсобака» стала сбрасывать скорость, очень плавно, чтобы не побеспокоить пассажиров.

А другая «суперсобака», грузовая, приближавшаяся к Харькову с запада, скорость стала набирать. Так же плавно.

На пульте управления в кабине, естественно, тут же загорелось сообщение об этом, пилот связался с диспетчером, тот, подумав, приказал ничего не предпринимать до того, как минуют Харьков. Собственно, скорость росла не очень быстро, до критической было далеко, да и предпринимать экстренное торможение в городской черте инструкции не позволяли.

Эстакады для «суперсобак» и сами «суперсобаки» были рассчитаны на куда большие перегрузки.

Саид Мюллер в это время остановил свой фургон с логотипом компании по переработке мусора в назначенном месте, достал из кармана комбинезона пачку сигарет и закурил, привалившись плечом к дверце кабины. Он бы сейчас с удовольствием принял чего-нибудь позабористее, но люди Абдулы Тарле знали, что на работе нельзя затуманивать голову. За это можно головы лишиться.

Люди Абдулы всегда точно выполняли приказы.

Так же, как и племянники Дядюшки Ха.

Дядюшка славился своим умением вести переговоры и своим тонким пониманием момента, когда переговоры только помешают. Вести переговоры с Абдулой Тарле по поводу нарушения границ участка Дядюшка счел лишним. Семья у Дядюшки была небольшая, поэтому приходилось быть постоянно готовым к защите интересов семьи, ее чести и ее

бизнеса.

Поэтому, получив приказ, племянник Нгуэн не стал задавать вопросов, сел за руль потертого мобиля и поехал туда, где остановился мусорный фургон. Нгуэн остановил мобиль в пятидесяти метрах от фургона и посмотрел на часы. Дядюшка Ха приказал, чтобы все было сделано точно в назначенное время. С точностью до секунды.

Племянник Нгуэн посмотрел на часы, достал с заднего сиденья гранатомет и взвел его.

Наблюдавший за всем происходящим через общегородскую систему слежения сотрудник Службы Безопасности СЭТ вздрогнул, увидев, как из мобиля появился человек и вскинул трубу гранатомета на плечо. В инструкции, которую получил без, говорилось, что должна произойти передача груза. Ни о каком гранатомете речи не было.

Без немедленно связался со старшим группы, находившейся неподалеку от места встречи. Старший группы успел выругаться. И даже приказал группе немедленно убираться подальше.

Нгуэн нажал на спуск.

Ракета вылетела, не слишком торопясь преодолела расстояние до фургона и взорвалась. Дядюшка Ха особо приказал, чтобы выстрел был произведен именно по фургону, а не по кабине. Дядюшка Ха всегда старался по возможности избегать ненужных жертв. Водитель в таком случае имел шанс выжить. Пусть небольшой, но, с точки зрения Дядюшки Ха,

вполне достаточный.

Полторы тонны «пшика» сдетонировали.

Саида и машины просто не стало. Нгуэн стоял в пятидесяти метрах от фургона, но это его не спасло – племянник Дядюшки Ха тоже исчез. Металл и бетон превращались в пар, припаркованные неподалеку машины летели прочь, словно осенние листья, сносили столбы и деревья, проламывали стены строений.

Людей в первое мгновение погибло немного – место было не слишком людным, вокруг Нагорного района никому селиться не позволялось. Если считать засаду Службы Безопасности вместе с прохожими, то поначалу погибло сорок семь человек. Количество одновременных смертей для Свободной Экономической Территории, честно говоря, не потрясающее. После разборок на том же Барабане иногда вывозили раз в пять больше трупов. Проблема была в другом – Саиду Мюллеру было приказано поставить машину возле опоры одной из коммуникационных мачт неподалеку от эстакады для «суперсобак».

Глава 3

Ветер врывался в комнату сквозь неплотно приклеенный к раме пластик. Дребезжание переходило в протяжный свист, потом раздавался щелчок, и наступала тишина. И снова – дребезжание пластика, свист горячего ветра, щелчок. И снова...

Ночью на это можно было не обращать внимания, особенно если лег в постель только около трех часов. Ночи или утра? Наверное, ночи, раз он ложился в это время. Если бы вставал, то это было бы утро.

«Пластик нужно закрепить», – лениво подумал Стас, прекрасно понимая, что все равно не займется этим нужным делом до тех пор, пока на дворе не похолодает. Или даже пока в щель не начнет залетать мелкая снежная пыль. Вот тогда... Тогда он наверняка плюнет на все, переломит о колено свою лень, достанет где-нибудь клея или гвоздей... И заделает щель.

Или не заделает.

Стас приоткрыл глаза. С трудом, веки не желали разлипаться и, между прочим, имели на это полное право. Уже почти неделю Стас спал по четыре часа в сутки. С самого вторника.

И ведь все так хорошо началось!

Сандра, наконец, решила сменить гнев на милость и удо-

стоила его своим визитом. Две ночи подряд она приходила после полуночи и уходила только под утро. А ведь знал Стас, что не просто так приходит мадам к нему в холостяцкую постель, просто так Сандра Новак не делает ничего, просчитывает все на десяток ходов вперед и, поставив перед собой задачу, идет к ней, не обращая внимания на препятствия, кактаклизмы и мнение окружающих.

Если она решила, что Стас должен что-то сделать, то чувства и желания Стаса уже никакой роли играть не могут. Хотя тут есть очень важный момент – Стас выполнил бы ее просьбу и без постели. Человек, бесплатно занимающий лучший номер в отеле «Парадиз», просто обязан прислушиваться к пожеланиям хозяйки этого отеля.

Стас помотал головой – не нужно было вчера еще и пить. Нет, Сандра для своих клиентов находит питье более-менее приличное... После него утром жутко болит голова, но хоть нет риска вообще ослепнуть. Клиенты это ценят. Ну, почти ценят. И насколько могут.

Каждый вечер у мадам Сандры начинается вполне благопристойно: девицы не визжат, клиенты посуду не бьют, слушают музыку, аплодируют номерам стриптиза, даже чинно танцуют с дамами, но через три-четыре часа пойло наносит удар по остаткам морали и нравственности, и тут уж может произойти все, что угодно.

С этим прекрасно справлялись двое вышибал, Петя и Ру-стам. Да, они не блистали интеллектом, но для того, чтобы

стреножить особо буйного жеребца и выбросить его на улицу, особого ума и не нужно. Нужно умение, желание и здоровье, чего у ребят вполне хватало.

Но ровно неделю назад какой-то урод с Барабана явился в «Веселый дом» в соседнем квартале, нажрался до поросячьего визга, принялся дубасить чем-то не угодившую ему девочку, а когда его попытались более-менее вежливо вывести из приличного заведения, достал вдруг из-за пазухи пистолет и подстрелил четверых посетителей и охранника. Не убил, правда, но это была заслуга не его, а принятого за вечер алкоголя.

Сандра, обладавшая, помимо потрясающего бюста и умопомрачительной задницы, еще и умом, быстро сообразила, что вооруженный охранник очень неплохо поддержит статус ее «Парадиза» в глазах потенциальных клиентов. А конкуренты будут грызть локти и жалеть, что два года назад вооруженный приезжий из Москвы поселился не к ним, а в отель к Сандре Новак.

Не просто вооруженный, а вооруженный на совершенно законных основаниях и наделенный правом применять свое оружие в случае необходимости. Для самозащиты, естественно, но если кто-то в его присутствии станет размахивать ножом или даже пистолетом, то вопрос о том, угрожали эти действия непосредственно Стасу или нет, скорее всего безами рассматриваться не будет.

Значит, быстро сообразила Сандра, если он станет при-

сутствовать на вечеринках (выпивка за счет заведения), то в случае какой-либо неприятности вполне сможет защитить свою жизнь (плюс, естественно, клиентов и имущество Сандры) стрельбой из «дыродела» по агрессору.

И ничего ему за это не грозит.

А вот пьяному муслиму из «Веселого дома» за стрельбу как раз досталось по полной программе.

Патрон в пистолете перекосило на шестом выстреле, стрелка опрокинули, обезоружили и стреножили. Вызвали безов. На драку и по случаю ограбления или кражи официальные лица приезжают, обычно не слишком торопясь, но по поводу стрельбы прибыли через три с половиной минуты.

Стрелка вывели из здания на улицу, осветили прожекторами с патрульных мобилей и прислонили к стене. Прибывший вместе с мобильной группой оператор СБ зафиксировал и внешний вид нарушителя порядка, и пьяный бред, который он нес, отвечая на вопросы. Затем оператор отошел к мобиле, что-то там в своей камере отрегулировал и сообщил старшему группы, что готов и что можно начинать.

Старший группы достал из кобуры «дыродел» и прострелил так и не протрезвевшему муслиму голову. Покойника сняли крупным планом с нескольких ракурсов, бросили в багажник мобилея и уехали, предварительно зачитав содержанию «Веселого дома» официальную текстовочку о том, что тот может в трехдневный срок получить в опорном пункте СБ все имущество преступника в качестве возмещения по-

несенного ущерба.

К самому представлению Стас тогда не успел, но смог вполне насладиться зрелищем в выпуске новостей. Ролик, в назидание и для профилактики, крутили раз десять только через Сеть, а сколько раз он был продемонстрирован на уличных экранах, Стас даже считать не пытался.

У него возникло чувство, что стоит глянуть в сторону, как тут же перед глазами: «Бац!», крупнокалиберная пуля врежется в лицо как раз между косящими от выпитого глазами, и вылетает через затылок вместе с брызгами крови, мозга и осколками черепа. И снова. И снова. И в замедленном темпе. И с комментариями. И просто так.

Стас застонал и сел на постели, держась за голову.

К горлу подступила тошнота, то ли с похмелья, то ли от неаппетитных воспоминаний. Или от того и другого вместе. Или просто от мысли, что вот прямо сейчас придется выходить под совершенно обезумевшее солнце и делать вид, что все нормально, что жизнь – продолжается, и муслима пристрелили совершенно по делу...

Хотя да – муслима пристрелили совершенно по делу.

В городе теперь вообще очень простые и доступные для понимания законы. Есть два преступления, за которые карают прямо на месте их совершения. Убийство, кстати, в этот короткий список не входит. Чтобы заслужить смертную казнь без суда, нужно оказаться обладателем незарегистрированного огнестрельного оружия или умышленно нанести

вред собственности города.

Простенько и со вкусом.

С оружием понятно, огнестрельное оружие частным лицам запрещено, не хватало еще, чтобы после Катастрофы в городе началось нечто, подобное Дню Оружия в Москве. Безы всех честно предупредили, провели переговоры с канторщиками, в Конго и на Барабане, даже на выгоревший Табор информацию перебросили, и никто, кажется, не возражал. То есть там, в недрах Барабана, наверняка имелось огнестрельного оружия до фига и больше, а парни из Конго вполне могли в случае необходимости вооружить все население района, но, скажем, в Гуляй-городе, в месте, куда обычные люди ходят отдохнуть и повеселиться, возле муниципальных зданий, возле пищевых фабрик и в районе Учкома оружие было бесплатным билетом в мир иной.

Даже на Барабане безы, увидев аборигена с пушкой, могли его пристрелить, не вылезая из мобиля, и при этом остаться в живых. Неофициальное соглашение всех влиятельных лиц Харькова с СБ СЭТ это подразумевало, но у патрульных хватало ума и осторожности не проверять этого на практике.

И за порчу коммунального имущества смерть воспринималась как вполне адекватное наказание. Расколотый информационный экран на улице, или разбитые камеры наблюдения СБ, или специально сломанные коммуникации – водопровод и канализация – вполне могли оказаться последними экраном, камерой и водопроводными трубами в городе и на

все времена.

Все это добро в Харькове не производилось, до Катастрофы ввозилось, а после нее... после нее ввозить стало неоткуда. Не было ничего за пределами Харькова, и все тут.

Пустота от горизонта до горизонта. Был целый мир, да исчез.

Нет, с крыши какой-нибудь высотки было видно, что там, где оканчиваются руины окраин, тянется степь на восток и лес к северу, но и лес, и степь были как звезды на небе. Увидеть их можно, а вот дотронуться... Или добраться до них – невозможно. Не стоит даже и пытаться.

Сразу после Катастрофы кто-то бежал из Харькова, пешком или на мобиле... И не вернулся никто. И никто посторонний даже не попытался въехать в город снаружи. Уж что там с ними случилось, каждый представлял по-своему, одно было понятно – заряжать аккумуляторы мобильных за городом негде, «суперсобаки» бегать перестали, а пешком далеко не уйдешь. Да и смысл уходить, если вне города все еще хуже, чем внутри?

Тут хоть была крыша над головой, продолжали работать фабрики питания, и атомная электростанция, несмотря на землетрясения, уцелела. С неделю не работала, почти все жители города решили, что это и вправду все – конец, но потом станцию включили, водопровод заработал, пусть не на полную мощность и не круглосуточно, но все-таки...

Кстати, о водопроводе...

Стас посмотрел на часы и вскочил с кровати. Это была еще одна причина не слишком разлеживаться. Воду подавали с шести утра до восьми, потом давление в трубах падало до минимума, так что работали краны только на первых этажах – да и то не везде, и с двенадцати до шести воду не подавали вообще. Затем с шести до восьми вечера снова включали...

Если кто-то хотел принять душ, то делать это следовало не мешкая. Ты либо дольше спишь, либо меньше воняешь. За два года после Катастрофы духи и дезодоранты исчезли из обращения. Почти исчезли. Женщины кое-как растягивали старые запасы парфюмерии, кто-то пытался наладить производство мыла, но тут все упиралось в сырье.

Жиры шли на питание, сама мысль о том, что их можно потратить на что-нибудь другое, вызывала недоумение, переходящее в неодобрение.

Стас вошел в ванную.

Крышка на унитазе была сломана, шторка, отделявшая душ от туалета, порвана в трех местах, Стас как-то очень неудачно пытался освежиться после дня рождения Сандры.

«А раньше это был лучший номер в отеле», – подумал Стас, отодвигая шторку. В принципе он и сейчас лучший. Или это остальные еще хуже? Стас стал на поддон, повернул вентиль душа.

В трубе что-то зашелестело.

– Так, – сказал Стас, глядя в зеркало. – С водичкой нас,

кажется, того...

Он постучал по трубе, но вода течь отказывалась.

Стас посмотрел на пластиковые ведра с водой, стоявшие вдоль стены. Можно, конечно, использовать их, но тогда могло не хватить воды для унитаза.

– Твою мать... – Стас взял с края умывальника кружку, зачерпнул в ведре воды, прополоскал рот, сплюнул. Потом сполоснул руки и лицо. Похоже, проклятая жара dokonала систему водоснабжения.

О такой печальной перспективе болтали еще с июня, но теперь это, кажется, уже не болтовня.

И ведь всего – семь часов утра.

– Ладно, – сказал Стас. – Не хотите добром...

В его комнате было душно и лилово. Стекла, вылетевшие в день Катастрофы, пришлось заменять пластиком, содраным с павильонов. Стасу еще повезло, ему достался прозрачный. Лиловый, но пропускающий хоть какой-то свет пластик. Другим повезло гораздо меньше, хреново жить в комнате с черными окнами. Да еще когда электричество отключают по нескольку раз в день.

Стас постоял перед дверью в коридор.

А какого, собственно, черта? Непростые времена требуют непростых решений. И, кстати, есть вполне оправданный способ проверить одно вчерашнее предположение.

Шантаж или подкуп ожидают нашего героя в темных закоулках отеля «Парадиз»?

– Ты как думаешь? – спросил Стас у отражения в зеркале, но отражение лишь молча пожало плечами.

– Ну, проживем – увидим...

Стас повесил полотенце на шею, отодвинул засов и вышел в коридор. Если в номере было душно и лилово, то в коридоре – душно и темно. Направо – лифт. Лестница – налево.

Лифт уже два года не работает, стоит на первом этаже, в нем уборщица Марта хранит свой инвентарь.

Стас совсем уже решился идти, но остановился.

В «Парадизе» теперь не воровали. В первый месяц после Катастрофы жилец из сто восьмого забрался к соседям по коридору, но был изловлен и выставлен из отеля. Наказан, потом выставлен. Или, скорее, выброшен, поскольку стоять после наказания он уже не мог. Так что в «Парадизе» теперь не воровали. Особо ценное имущество Стаса хранилось в сейфе с кодовым замком, да еще настроенным на отпечаток его руки, но пистолет оставался пистолетом. И несмотря на всю строгость нынешних законов, кто-то мог попытаться завладеть этой опасной, но очень-очень-очень ценной штукой.

Стас вернулся в номер, набрал код, приложил ладонь к панели и открыл сейф. В глубине его лежали деньги. Много денег: несколько толстенных пачек рублей, стопка евродинов и даже юани, аккуратно завернутые в пластик. За два года Стас так и не научился их безоглядно тратить. Деньги он обнаружил в чемоданах через неделю после Катастрофы, когда стало понятно, что никто из Представительства Рос-

сийской Федерации не уцелел, посылку передавать некому и за инструкциями обратиться к начальству нет никакой возможности по причине полного отсутствия связи. А может, даже и начальства.

Скрепя сердце и наступив на горло своему пониманию служебного долга, Стас открыл чемоданы и испытал потрясение ничуть не меньшее, чем перед Катастрофой и во время ее. В чемоданах была одежда, явно предназначенная Стасу, в том числе и теплая, что пришлось как нельзя более кстати в первую же зиму, в чемодане оказались деньги – просто неприличная, с точки зрения Стаса, сумма, и если одежду Стас использовал почти без внутренних терзаний, то деньги... Рано или поздно кто-то мог за ними прийти и потребовать отчета.

Поэтому Стас, хоть и брал время от времени купюры, но старался экономить на всем и строить свои отношения с новым миром на безденежных условиях.

«Натуральный обмен», – сказала как-то со смехом Сандра, выбираясь утром из его постели и приглашая с собой на завтрак. И Стас не обиделся. Хотя, когда нечто подобное попытался в его адрес сказать Бабский Доктор, бестолковый обитатель двести двадцатого номера, шутка стоила Доктору синяка в пол-лица и выбитого зуба.

«У нас имеется своя гордость», – сказал тогда Сандре Стас, и та посмотрела на него с уважением. Но попросила, чтобы в любом случае он не повредил Бабскому Доктору рук

– свое проживание в «Парадизе» Доктор оплачивал осмотрами и лечением девушек Сандры.

Стас взял из сейфа наплечную кобуру, нацепил ее прямо на голое тело, закрыл сейф, задумался, сменил код и вышел в коридор, заперев за собой дверь на замок.

Новая жизнь приучила если не к осторожности, то к бережливости.

Комната Стаса располагалась на третьем этаже. Это был последний из жилых этажей отеля. Было еще пять, но там никто не жил, светильники, краны, унитазаы, раковины, посуду, мебель – все за два года потихоньку перетащили в обширные подвалы гостиницы, оставив пустые помещения, с сорванными полами и выломанными оконными и дверными рамами, на откуп сквознякам.

Стас постоял в темноте коридора, чтобы глаза привыкли, потом медленно пошел налево, касаясь кончиками пальцев стены. На лестничной клетке светились лампы, по одной на пролет. Расточительность по нынешним временам совершенно потрясающая, но, как сказала Сандра, лучше потерять несколько ламп, чем сломать ноги.

На втором этаже жили девицы.

Маринка вчера работала на шесте. Пытаясь хоть как-то беречь девчонок, Сандра устраивала ротацию – те, кто показывал стриптиз, были освобождены от работы в номерах. И это значило, что у вчерашней стриптизерши утром клиента гарантированно не будет.

Маринка обитает в двести третьем номере, вспомнил Стас. И с какой целью красotka вчера строила глазки Стасу, рискуя нарваться на неприятность со стороны своей работодательницы? Шантаж или подкуп? Или и то и другое?

Заодно и помоемся.

Дверь в номер была не заперта, в номерах у девочек вообще не было замков. Клиенты бывают разные, сломать дверь займет секунд пять, а чтобы взмахнуть бритвой – достаточно и одной.

Маринка еще спала.

– Доброе утро! – провозгласил Стас, заглядывая в комнату. – Ты мыться не собираешься?

Маринка что-то ответила, не просыпаясь.

– Ну, тогда я сам... – Стас положил кобуру на край умывальника, открутил вентиль на душе и с довольным урчанием встал под тонкую теплую струйку.

Как быстро он научился радоваться мелочам жизни. Крохотностям существования. В Москве его бесили шум и суета, очередь в служебном кафе, необходимость жить в одном блоке еще с тремя операми, пользоваться с ними одним туалетом и душем. И он ведь совершенно искренне полагал, что питаться «народным хлебом» может только человек, совершенно махнувший на себя рукой.

«Хлебнешь «эконом-пива», Стас?» – «И сам не буду, и тебе не советую... Ты знаешь, из чего оно делается?»

А ты знаешь, Стас, из чего делается твоя повседневная еда

сейчас? Не задумывался? Жрешь то, что есть? Вот в том-то и фокус, Стас, – за два года ты понял, что выжить – это уже достаточно, чтобы не ломать голову над вопросами, зачем жить, для чего... Просто жить...

– Тебе потереть спину? – промурлыкала Маринка ему на ухо.

Стас глянул в зеркало.

Девочек Сандра подобрала классных. Фигуристых и породистых. Как говаривал приятель Стаса еще из московской жизни: «Я б ей отдался и второй раз».

А еще умелых девочек подбирает Сандра. И даже, если верить слухам, некоторым штучкам обучает их лично. Стас все никак не собрался спросить об этом ни у Сандры, ни у девушек. Можно было бы сейчас, но очень быстро ему стало не до того – Маринка с ходу перешла к делу.

Шантаж или подкуп? Подкуп или шантаж?

Стас застонал.

– Тебе понравилось? – спросила Маринка.

– Шантаж или подкуп... – беззвучно прошептал Стас.

– Что?

– Хорошо, – сказал Стас.

– Хочешь еще?

– Можно было бы... Только вода заканчивается... – Стас оставил девушку под душем, а сам вытерся, забрал одежду и вышел в комнату.

Сейчас Маринка выйдет из душа и изложит свои требо-

вания. Это если решила заняться шантажом. Или просьбу, если то, что произошло в душе, было рекламной акцией или авансом.

Ты стал циником, сказал себе Стас, одеваясь. В старые и почти добрые времена до Катастрофы ты бы в список возможных вариантов вставил еще и любовь, но сейчас ты твердо знаешь – эта штукавина на свете не существует. Ей не осталось места в мире после Катастрофы. Так же, как еще очень и очень многим странным, громоздким, неудобным и даже смертельно опасным штукавинам из категории морали и нравственности.

Стас прошелся по комнате, выдвинул ящик в столике под зеркалом. Остатки косметики, какие-то тряпочки, выстиранные и отглаженные, чулки... Стас вытащил, глянул, чулки были порваны, их даже пытались штопать, но без особого успеха. Носить это было уже невозможно, а выбросить – наверняка жалко.

Записная книжка.

Стас перелистал страницы, не вчитываясь в неразборчиво написанные строки. Похоже на дневник. Но ничего важного Маринка писать сюда не станет. Разве что – список клиентов, для памяти. Чтобы подсчитать к старости, всплакнуть... На пол упала фотография. Стас наклонился, поднял.

Маринка – смеющаяся и загорелая, стоит у моря.

Раньше на свете были моря, подумал Стас, пряча фотографию в записную книжку. А сейчас – только пыльный раска-

ленный город. И люди, которые разучились вот так искренне и жизнерадостно смеяться.

Стас услышал, как перестала течь вода в душе, и задвинул ящик.

Скрипнула дверь.

Маринка вышла неодетая, вытирая голову полотенцем.

Подкуп. Она полагает, что между ней и Стасом возникла какая-то связь, теперь только нужно ее сохранить. Продемонстрировать свое тело, как обещание грядущих радостей. Стас вздохнул.

Маринка подошла к нему.

– Ты что-то хотела у меня попросить? – Стас сел в кресло и закинул ногу за ногу. – Что именно?

Маринка замерла.

Сейчас она лихорадочно просчитывает свои дальнейшие действия. Если окажется душой – попытается дальше играть влюбленную шлюху. Если мозги есть, то вернется к образу шлюхи деловой.

– Мне нужна твоя помощь, – сказала Маринка, усаживаясь на кровать.

Тон она сменила, от обольстительного мурлыканья не осталось и следа, но позу на всякий случай приняла эффектную и завлекательную.

– Помощь... – Стас поцокал языком. – Что именно?

– Нужно припугнуть одного типа. – Маринка отложила полотенце в сторону. – Нужно его...

– Нет, – сказал Стас.

– Но ты же...

– В любом случае – нет. Я не работаю вышибалой. И сутенером я не работаю. А все личные вопросы своих девок Сандра решает сама.

Стас сказал «девок». Хотел выразиться сильнее, но решил не перегибать палку. Если Маринка захочет, то обидится и так. Маринка не захотела. Даже улыбнулась, нервно, краем рта, но улыбнулась.

– Разговор окончен? – спросил Стас, оперся руками о подлокотники, демонстрируя намерение встать.

– Это нужно не мне, – сказала Маринка. – Моей подруге. Ты ее знаешь, Черная Змея. Она раньше в «Фонаре» работала. Пока...

– Пока ее Питер за наркоту не выбросил на улицу, – подхватил Стас. – Она сейчас работает на «стометровке»? Кто там ее пасет?

– Марат. Сука.

– Марат... – повторил Стас. – Сука.

Тут спорить не приходится, тут Маринка права на все сто – сука Марат первостатейная. Рафинированная. Своих девок держит не просто строго – зверски. Двух уже списал по профнепригодности. Кому нужны шалавы без глаза и со шрамом на пол-лица.

А местные безы в такие мелочи не лезут. Тем более что Марат тоже под кем-то ходит, и тот, кто стоит над Маратом,

с безами, понятное дело, делится. Конец истории.

Странно, что Маринка этого не понимает. Стаса она на это уговорить не сможет, как бы классно сейчас ни отработала в душе. Так что – аванс потрачен впустую.

– Марат ее убьет, – сказала Маринка.

– Очень жаль.

– Он обещал нарезать ее ломтиками...

– Обещал – нарежет. Такие обещания Марат держит, я слышал. Пусть Черная обратится к безам... или к своим, в Конго.

– Она не может идти в Конго, она поссорилась...

– Не нужно было ссориться. Если ее не любят родственники, то при чем здесь я? – Стас встал с кресла.

И ведь не дура Маринка. Сандра даже как-то говорила, что из всех ее девок Маринка самая толковая. И что? Всей ее толковости хватило ровно на то, чтобы попросить – пусть не прямо, пусть намеком – убить этого Марата. Ясное дело – пристрелить. Раз есть у Стаса «дыродел», так отчего не использовать его для полезного дела? Это ведь так просто...

Из коридора донесся звук. Визг. Или протяжный стон... Будто щенка топили, а тот все пытался уговорить, чтобы пожалели.

Стас прислушался. Похоже, звали его.

– Кажется, меня ищет Болтун, – сказал Стас и посмотрел на часы. – Мы с тобой так увлеклись общением, что забыли о распорядке дня. Сандра беднягу Болтуна погнала меня ис-

кать.

Крик из-за двери прозвучал снова, теперь уже ближе, Болтун, по-видимому, стоял в конце коридора и звал Стаса голосом, похожим на срывающийся вой.

Стас подошел к двери.

– Она будет работать на тебя, – сказала Маринка. – И остальные девочки Марата – тоже на тебя.

Стас хмыкнул.

– Они гражданство примут, – торопливо сказала Маринка. – Хоть сегодня. И ты сможешь...

Стас засмеялся и вышел из номера.

Это что-то новенькое. С таким предложением к нему еще никто не подкатывался... Значит, все проститутки, работающие на улице под Маратом, разом заявят о своем желании стать подданными Российской Федерации...

Тощая нескладная фигура Болтуна маячила в дверном проеме. Увидев Стаса, старик принялся махать руками над головой.

– Привет, Стас! Привет! – зачастил Болтун, когда Стас приблизился. – А меня Сандра послала... Увидела, что ты не пришел, так и послала. Иди, говорит, Болтун, приведи Стаса, а то ведь голодный останется... Или холодное есть придется... А я ей говорю: засохшие сопли что холодные, что горячие – все равно засохшие сопли, а она – иди, говорит, а то и ты останешься голодным. А мне нельзя голодать, мне кушать нужно, пусть даже засохшие сопли. Мне за здоровьем

следить нужно. Хорошее питание – залог здоровья. Сейчас болеть нельзя, а, Стас? А то ведь попадешь к такому коновалу, как Бабский Доктор, так и околеешь в одночасье... Он, знаешь, чего сказал? Он сказал, что раньше всегда натуральное кушал, отбивную с кровью, говорит, кушал, рыбку, сосиски... Ага, конечно... Такое придумал... Просто раньше, до Этого...

Старик нарисовал руками в воздухе круг, потом подумал и нарисовал еще раз – побольше, приподнявшись даже на цыпочки.

– Вот до Этого – все равно жрали биомассу с фабрик. Только тогда ей придавали вид нормальной еды. А сейчас – не придают. А знаешь, Стас, ведь и сейчас кто-то жрет нормальную еду... – Болтун понизил голос и оглянулся по сторонам. – Я тебе точно говорю. Эти мерзавцы из Городского Совета, думаешь, эту вот гадость едят? Им привозят еду на дирижаблях. По ночам. Вы по ночам напиваетесь или спите, а я – нет. Я на крыше сижу, смотрю... Точно говорю – летают цеппелины.

Стас похлопал старика по плечу и прошел мимо него на лестницу.

– А еще начали головы отрезать, – сказал Болтун. – На улицах. Точно-точно... Вчера мне рассказывали... Этот говорил, как его... ну этот, с бородой... он не врет, он всегда говорит правду... когда не обманывает... а он меня никогда не обманывает, знает, что я всегда понимаю, когда мне

врут... А он – не врет. Так и сказал, стали людей по ночам ловить да головы отрезать. Уже пятерых нашли – голова отдельно, а туловище – отдельно. Зачем? Я бы еще понял, если бы их ели. Но вот так – убить и оставить... Зачем? Говорят, это цыгане. Они режут... И Марат вчера по улице бегал, искал Черную Змею. Говорил, что вырвет ей эту самую... ну эту, ты понимаешь...

– Пойдем, Болтун, – сказал Стас. – Останешься ведь без завтрака...

– А я уже, я поел. Я всегда первым ем... На кухне. Мне Сандра так и сказала – на кухне ешь, воняет от тебя... Аппетит у нее от этого портится... Какой аппетит? А когда они о своем, о женском разговаривают? Вот скажи, Стас, тебе интересно слушать, что эти, как там – прокладки кончились? Интересно?

Стас вздохнул и пошел вниз по ступеням.

– А Бабский Доктор сказал, что меня нужно выгнать, – Болтун пошел за Стасом, не замолкая ни на секунду. – Выбросить, говорит, а то заразу какую принесет. То есть – принесу... Какую заразу? Я же... Стой, Стас, а я уже сказал, что тебя Сандра ищет?

– Сказал.

– Сходи, говорит, позови Стаса. А Доктор и говорит, если его у себя в комнате не будет, так ты на второй этаж пойди да глянь у Маринки. Ее что-то тоже нет... Так и сказал Сандре. Правда, урод?

– Правда, – не мог не согласиться Стас.

– Морду ему набить нужно. Морду. Он и еще про тебя говорил... Только я не помню...

– А Сандра?

– А Сандра ему ничего не сказала... Глянула так вот... – Болтун тронул Стаса за плечо, тот оглянулся и посмотрел, как старик демонстрирует взгляд Сандры.

Получалось зловеще и многозначительно.

– Вот так и глянула, честное слово... Но ты Доктору все равно морду набей, Стас. Стрелять не нужно, – подумав секунду, сказал Болтун. – Он девчонок лечит. И Маринку... ты же у Маринки был? И как? Классно? Я не скажу, где тебя нашел... Скажу, что ты у себя был в номере. У себя, на третьем. Я, значит, подошел, постучал, а ты открыл и говоришь, а чего это ты, Болтун, сюда приперся, а я тебе – Сандра прислала, и еще что-то я тебе должен был сказать... Подожди, не спеши, дай вспомнить...

Старик схватил Стаса за рукав рубашки.

– Подожди... Что-то же хотел я тебе сказать... Такое важное... – Болтун закусил бледную губу, честно пытаюсь вспомнить, что именно собирался сказать Стасу. – Про Сандру говорил?

– Говорил.

– А про Сандру? Как Сандра посмотрела? Вот так посмотрела...

– Показывал.

Старик потер давно небритую щеку.

– Доктор...

– Набью, набью я ему морду, – пообещал Стас и высвободил рубашку из костлявых пальцев Болтуна, осторожно, чтобы не порвать.

Новую взять неоткуда, приходится быть осторожным.

– Марат обещал хорошо заплатить за Черную, – сказал Болтун. – Очень хорошо. Ты не знаешь, где она может быть?

– Не знаю.

– И правильно. И не говори. Марат – урод. И Доктор – тоже урод. Ты не ходи в ресторан, Стас... – выпалил вдруг Болтун.

– Здравсьте, – улыбнулся Стас. – Ты же меня сам туда ведешь...

– Веду. Сандра сказала – приведи. Сходи, говорит, и приведи... Он, наверное, проспал, а Доктор...

– Я помню.

– Вот. А я подумал, что не нужно тебе идти в ресторан... Вот не нужно, и все... А почему я так подумал?

– Сандра ведь посмотрела вот так...

– Посмотрела. Только она всегда так смотрит, а тут я подумал – не нужно приходить Стасу... Чего я так подумал?

Они спустились на первый этаж – в холле было почти пусто, только Рустам дремал в кресле напротив входа. Верхняя рама была приоткрыта, горячий ветер свободно врывается в здание, раскачивал лампу над стойкой регистрации и позвя-

кивал остатками хрустальной люстры под потолком.

Из ресторана пахло едой.

Обитатели «Парадиза» питались вместе. И вместе зарабатывали на это самое питание. В первую очередь, конечно, девки. Некоторую прибыль приносил Бабский Доктор. Практика у него была не особо обширная, но постоянная. Два раза Доктор по врожденной склочности и патологической жадности порывался даже уйти из «Парадиза» на вольные хлеба, но в первый раз его остановили все те же Рустам и Петя, а во второй раз, когда удержать не успели, Доктор прибежал на следующий день сам, объяснять ничего не стал, но с тех пор вел себя заметно спокойнее и покорнее, что ли...

Еще Сандра сдавала в аренду два своих грузовичка, автобус и три пассажирских мобиля. Нечасто и за очень высокую плату – запчасти в городе были редкостью.

Общие приемы пищи стали в «Парадизе» своеобразным ритуалом.

Сандра восседала во главе длинного стола, остальные занимали места согласно негласной табели о рангах. Чем ближе к хозяйке, тем выше статус. Причем полезность для общего выживания на этот самый статус влияла не особо. Доктор, например, сидел в самом конце, возле уборщицы.

– Приятного аппетита, – сказал Стас, входя в ресторан.

Все посмотрели на Сандру.

– Доброе утро, – сказала Сандра, и все присоединились к пожеланию.

Даже Доктор, после паузы. Но в его голосе прозвучало плохо скрытое злорадство, словно знал он что-то такое, что неизбежно превращало это утро для Стаса в недоброе.

– А вот Стас! – дребезжащим голосом провозгласил Болтун, сорвался на визг и закашлялся. – Я его нашел. Он у себя в номере был... проспал. Не у Маринки, нет, у себя проспал... Я стучал-стучал, а он не открывает, я сразу понял – проспал, а не у Маринки... Это только уроды могут думать, что Стас у Маринки. И этим уродам надают по роже...

Болтун посмотрел многозначительно, как мог, на Доктора.

– Ты проходи, Стас, – Болтун сделал широкий жест дрожащей рукой. – Завтракай.

Завтрак уже заканчивался, официант как раз наливал в чашки то варево, которое за два года все привыкли именовать кофе. Место Стаса было не занято, порция стояла нетронутой, но уже остыла, утратив даже отдаленное сходство с натуральной пищей.

Повар в «Парадизе» был отличный, остался со старых времен, но брикеты с пищевых фабрик были всего лишь пищевыми брикетами, содержащими минимальный набор витаминов и тому подобной жизненно необходимой ерунды, без всякой попытки придать им хоть какую-то внешнюю привлекательность.

Все участники завтрака молча проследили, как Стас подходит к своему месту, на лицах многих из них застыло та-

кое внимание и ожидание, что Стас даже, на всякий случай, осмотрел сиденье своего стула на предмет какой-нибудь шутки, вроде булавки или куска грязи. Но ничего не обнаружил.

Это означало, что неприятность, ожидающая Стаса, будет носить характер эмоциональный.

Стас взял нож и вилку – в принципе любое блюдо, сделанное из пищевых брикетов, можно было есть просто ложкой, а иногда даже хлебать через край тарелки, но традиция высокого уровня обслуживания оставалась традицией, и возле тарелок с серо-желтой массой всегда лежали ножи и вилки.

Болтун, остановившийся в дверях, стал махать руками, даже подпрыгивал на месте, пытаясь привлечь внимание Стаса. Наверное, вспомнил, отчего Стасу нельзя идти в ресторан. Только Стас и сам уже сообразил.

За столом должно было пустовать еще одно место – Маринки. Но оно было занято, Стас не сразу обратил на это внимание, а когда обратил – было уже поздно.

Оставалось и дальше завтракать, делая вид, что присутствие за столом сотрудника СБ СЭТ – вещь в «Парадизе» обычная.

Улыбка Доктора стала еще противнее, хотя, казалось бы, куда уж больше.

– Это к тебе, – тихо сказала Сандра.

– Я уже понял, спасибо, – ответил Стас. – Зачем – не ска- зал?

– Нет. Он только просил найти.

– Вы, случайно, не обо мне? – спросил Генрих Шрайер, отставляя в сторону чашку.

Генрих был улыбчив, сухощав, обладал очень искренней улыбкой, слыл среди обитателей Гуляй-города человеком злопамятным, но в принципе порядочным.

В «Парадизе» на памяти Стаса появился впервые. Не к добру.

– О тебе, – кивнул Стас.

– Но только самое хорошее, – добавила Сандра.

– И это – правильно, – Шрайер встал. – Служба Безопасности всегда пользовалась поддержкой в народе. Потому что – стоит на страже его интересов.

– Я могу закончить завтрак?

– Конечно-конечно, – улыбнулся Шрайер. – Я подожду в холле.

Сандра дождалась, пока без выйдет из зала, и посмотрела на Стаса.

– Что? – спросил тот.

– Отойдем, – Сандра встала из-за стола, поправила двумя руками прическу, привычно демонстрируя окружающим свой бюст. – Поболтаем.

Стас вышел вслед за хозяйкой отеля на кухню. Повар глянул на них, кивнул и торопливо вышел в зал.

– Где был? – спросила Сандра. – Проспал?

– Нет, – спокойно ответил Стас, присаживаясь на край

разделочного стола. – У меня в номере не было воды, я спустился к Маринке, принял душ. Она, как гостеприимная хозяйка, сочла нужным оказать мне... ну, ты понимаешь...

– Вот так просто? – немного удивленно приподняла брови Сандра.

– Что просто? Оказала? Нет, не просто. С фантазией оказала, с выдумкой. Я ведь за два года так и не разговелся по поводу девочек, а тут ей понадобилось от меня... Так что – не просто.

– Я спрашиваю – вот так просто ты мне ее сдаешь? – Сандра покачала головой. – Отымел девушку и сдал?

– Все мы, мужики, сволочи, – сказал Стас. – И что? Я должен был что-то изображать? А потом она стала бы не просить меня сделать глупость, а требовать, угрожая рассказать тебе...

– А ты не согласился?

– На что?

– Ну как на что? Прижать Марата, защитить его девочек... Не согласился?

– Убить Марата ты имела в виду?

«Значит, вот так. Значит, Сандра разрешила девочке попытаться. Или даже приказала. Вот ведь сука, – с восхищением подумал Стас. – Королева! Царица! Клеопатра!

Значит, у нее проснулись амбиции, захотелось расширить дело. На здоровье. Но без меня».

– А если он нападет на тебя? – поинтересовалась Сандра. –

Услышит, что ты прячешь Черную Змею?

– Я тогда...

– Ты, Стас, не торопись с ответом. Не нужно. У нас с тобой все хорошо, все ладненько. Можно сказать – любовь. Только ты не забывай, что это я тебя имею, а не ты меня.

– Я не забываю, – Стас улыбнулся искренне.

Ну, почти искренне.

– Я, Сандра, все помню. И знаю цену всему, что имею...

И, прости, всему, что меня имеет.

– Значит?

– Значит, я не стану связываться с Маратом. Попробуй сама. А меня ждет господин Шрайер. О, он хочет о чем-то поговорить со мной...

– Но ты же все равно вернешься, – напомнила Сандра. – И вечером все равно придется что-то решать. Ты – слишком полезен, чтобы тебя не использовать. Это тебя устраивает все в этой жизни...

– А тебя?

– А мне нужно решать – что делать дальше. Мы тут не живем – гнием. Мы ждем, когда все вернется на свои места, снова появится хоть кто-то, либо с севера, либо с юга. Придет добрый дядечка, и снова побегут «суперсобаки», снова повезут через наш город товары, появятся заказы, торговля и все такое...

– А ты полагаешь, что этого уже не будет?

– Не будет, – Сандра подошла к Стасу вплотную и посмот-

рела ему в глаза. – Больше – не будет. Нужно что-то делать, иначе все развалится. В пыль разлетится. Тот же Марат... Он уже приходил в «Веселый дом» после стрельбы, предлагал свою защиту. Там сказали, что подумают. В «Фонарь» явился позавчера. Если Питер согласится, то Маратик начнет прессовать меня. Понятно? И мне придется искать защиту. Канторщиков звать. Они придут, помогут. Тебе насрать на все и всех, о себе подумай. Тебя-то они выкинут из «Парадиза». Ты им – без надобности. Не так?

– Так.

– Вот и думай. Мне мальчик по вызову не нужен. Мне нужен человек, готовый со мною вместе дерьмо разгребать.

– И кровь.

– И кровь тоже. Думай, время у тебя – до вечера. И еще... – Сандра наклонилась к уху Стаса и прошептала: – Если ты еще раз только глянешь на другую – я тебе...

– До вечера, – сказал Стас и, отодвинув Сандру с дороги, вышел.

Болтун бросился ему навстречу, но Стас его обошел.

Шрайер сидел в кресле в самом углу холла. Стас с трудом рассмотрел его в полумраке.

– Рустам, – позвал без. – А не пойдешь ли в туалет? Минут на десять.

Рустам молча встал и вышел в подсобку.

– Присаживайся, Стас, – сказал Шрайер. – Вот тут, напротив. Поболтаем. Рад, что ты жив и здоров. В первую нашу

встречу я подумал, что ты не жилец. Столько апломба, столько гонора... Такие мегаполисные штучки в провинции долго не живут. Потом, когда ты пристрелил тех двоих, я совсем уж решил, что ты, парень, пошел вразнос. Стрелять начал. Трудно остановиться, когда начал палить. Сколько народу на моей памяти вот так стреляли-стреляли, пока совсем не кончились. А ты – остановился. Я тебя прямо зауважал.

– Что бы я без этого уважения делал? – Стас поцокал языком и подумал, что нужно держать себя в руках.

Это разговор с Сандрой его так раскачал. Нужно успокоиться и не портить и без того непростые отношения с местными безами. Особенно со Шрайером.

Полтора года назад, на шестом месяце своего пребывания в Харькове, Стас убил двух человек. Честно убил и, что самое важное, в рамках местных законов. У парней был ствол – один на двоих, но тем не менее. Соучастник в таком деле разделял вину полностью. Вот Стас обоих и положил, не дожидаясь, пока те станут стрелять.

Было холодно, февраль. Мороз – около тридцати, два тела лежали в сугробе, что-то кричали люди, привлеченные выстрелами. Девушка, которую Стас выручил, что-то говорила, пытаясь в благодарность за спасение обнять и облобызать. Сандра подбежала и ругала его самыми последними словами, требуя, чтобы он больше никогда, слышишь, никогда не совался в такие разборки...

А потом оказалось, что пистолета у парней нет. Что исчез

пистолет, будто и не бывало. Приехали безы, все осмотрели и радостно сообщили, что Стас перегнул палку с перепугу, что примерещилось ему на февральском морозе да в темноте огнестрельное оружие у мальчишек, а это значило – нет у мужественного защитника пострадавших никакого оправдания.

В первую зиму после Катастрофы безы особо не церемонились. Нужно было продемонстрировать силу и порядок, вот они и демонстрировали. Ходили даже слухи, что возле Барабана или еще дальше, на Рогани, нескольких грабителей вообще повесили и не давали убирать почти неделю.

Вот и Стаса вполне могли поставить к стенке. Чтобы другим неповадно было. Полномочия полномочиями, но законы – едины для всех обитателей города. Сандру отодвинули в сторону, несмотря на ее крики, спасенная девица, подумав, сообщила безам, что нет, не видела никакого пистолета. Да, на нее вроде бы напали и даже, наверное, угрожали, но оружия у них в руках она не видела.

Вот и все, успел подумать Стас, но тут вмешался этот самый Шрайер. И Стаса отпустили.

И сейчас вовсе не стоит вести себя, как неблагодарная свинья.

– Извини, – сказал Стас. – Просто утро как-то не задалось. И ночь, считай, не спал...

– Да ладно, – махнул рукой Шрайер. – Я к тебе, собственно, вот по какому делу...

Шрайер посмотрел через плечо Стасу, тот оглянулся – из ресторана вышла Сандра и направилась к ним.

– Все могут быть свободными, – предвосхитил ее вопрос Шрайер. – Абсолютно все. У тебя нет планов на Стаса в течение ближайших пары часов? Нет? Вот и славно.

Шрайер встал с кресла.

– Поехали, прокатимся, – сказал он Стасу. – Тут недалеко. Я на мобиле, так что домчу с комфортом.

Мобиль Шрайер оставил прямо перед отелем, на солнце-пеке, салон, несмотря на раннее время, уже нагрелся.

– А в тень было слабо отогнать? – поинтересовался Стас, опускаясь на переднее сиденье.

Как на сковороду.

– Тогда мобиль не был бы виден Рустаму. А я попросил его проследить. По-дружески, – Шрайер сел на место водителя. – Ничего, проветрится на ходу. Остынет.

Мобиль плавно тронулся с места, свернул направо, Стас удивленно оглянулся – опорный пункт СБ был в стороне Транспортного Креста, налево от «Парадиза».

Шрайер заметил реакцию Стаса.

– Не нужно волноваться.

– Я и не волнуюсь.

Шрайер одобрительно кивнул.

– Действительно, стоит ли волноваться законопослушному гражданину? И не напрягайся, чего ты?

Стас сглотнул.

За окном мобилия проплывали дома Гуляй-города. Еще метров пятьсот – и все. Дальше – Проплешина, а за ней Нагорный район. У Стаса там нет никаких дел. В Нагорном он был всего один раз, когда его привезли осмотреть то, что осталось от Дипломатического квартала. Он помнил куски бетона, рваный металл, обломки эстакады и обгорелые остовы вагонов «суперсобаки».

Из дипломатов не выжил никто. Их, собственно, и было-то в городе всего полтора десятка, а после взрыва, после того, как грузовая «суперсобака», сорвавшись с разрушенной эстакады и описав в воздухе фантастическую дугу, влетела в самый центр квартала, не осталось ни одного. Шло какое-то совещание. Какого-то совета.

Стасу кратко рассказали, как все получилось. Вначале взбесившиеся вагоны протаранили здания, обрушивая их и погребая под обломками всех, кто находился внутри, а потом какая-то химическая гадость, находившаяся в вагонах, вспыхнула, добивая тех, кто каким-то чудом уцелел во время первого удара.

Стас тогда смог внятно ответить на вопросы безов, подписать какие-то бумаги, что-то гарантирующие ему и Российской Федерации – какие-то права на время форс-мажорных обстоятельств. Ему выразили соболезнования, он поблагодарил, как смог.

Кажется, это был местный губернатор.

То есть тогда он был губернатором, которого избирали те

самые консулы и торговые представители, что были разорваны в клочья и сожжены взбесившейся «суперсобакой». Сейчас он – председатель Городского Совета.

Еще был шанс, что мобиль свернет перед блок-постом на въезде в Нагорный район, но Шрайер спокойно проехал под запрещающий знак и остановился у сложенного из бетонных блоков бункера – прямо перед заинтересованно повернувшимся дуло в его сторону «Молотком».

Шрайер подождал, пока к машине подойдет без с переносным сканером.

Шрайера без наверняка знал, но проверил тщательно, меня настройки сканера, попросил повернуться, чтобы просканировать «балалайку». Потом перешел к Стасу.

– У него оружие, – сказал Шрайер. – Разрешено.

– Я вижу, – кивнул без. – Номер... Номер совпадает, все нормально. «Балайка»...

Без удивленно посмотрел на Стаса, потом на экран сканера.

– У меня нет «балалайки», – Стас смотрел прямо перед собой, на щель между створками ворот.

У него все нормально. Все в порядке. Ладони вспотели, между лопатками течет пот, но у Стаса – все в порядке. Он не выспался. Был трудный разговор с Сандрой...

– Я вынул «балалайку», – сказал Стас, заставив себя, наконец, повернуться к безу. – Мне нравится ходить без нее. Это преступление?

– Нет, – чуть растерянно ответил без.

Ему и в голову не приходило, что кто-то может добровольно отказаться от «балалайки».

– Все нормально, – без отступил в сторону и махнул рукой кому-то в дежурке. – Пропускай.

Створки ворот медленно разошлись, мобиль мягко тронулся с места и въехал вовнутрь Периметра. Стас зажмурился, потом скрипнул зубами, но заставил себя открыть глаза.

Самое обидное, что он не понимал, отчего это происходит. Да, он не любил выходить за пределы Гуляй-города, но чтобы вот так испугаться...

Да, испугаться.

Стас отдавал себе отчет в своих чувствах, и сейчас это был именно страх – животный, бессмысленный и пронзительный.

За окном мобилия цвели цветы, зеленела трава на газонах, работали даже автоматические поливалки, и в мелких брызгах воды безжалостное солнце превращалось в радугу.

Мобиль подъехал к высокому зданию, словно облитому сверху донизу темно-синим стеклом, и остановился.

– На выход, – улыбнувшись, скомандовал Шрайер. – В вестибюле тебя встретят. Бодрее, Стас! Все будет хорошо. Я останусь здесь и отвезу тебя обратно.

Шрайер убрал улыбку, наклонился к Стасу и зловещим шепотом добавил:

– Если тебя выпустят...

И засмеялся, довольный шуткой.

Стас вышел из мобиля, хотел изо всей силы врезать дверцей, но, вспомнив об ответственности за умышленную порчу городской собственности, прикрыл осторожно.

Поднялся по широким ступеням – входная дверь открылась автоматически. Из полумрака дохнуло прохладой, приятной, наверное, но по спине Стаса пробежал холодок.

– Вам – на пятнадцатый этаж, – сказал дежурный за пультом и указал рукой, где именно расположен лифт. – Вас там встретят. Вы только сдайте оружие.

– Не могу, – сказал Стас. – Я за него отвечаю. И гарантировал, что оно в чужие руки не попадет. У тебя – чужие руки. Или мне уйти?

Дежурный задумчиво посмотрел на Стаса. Хотя скорее всего он сейчас просматривал инструкции, касающиеся странного посетителя. Информация выводилась непосредственно на глаза. И взгляд от этого становился даже каким-то загадочным. Неподвижным, во всяком случае.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.